

Диетлэнд

Автор:

[Сарей Уокер](#)

Диетлэнд

Сарей Уокер

Плам толстая, очень толстая, сколько она себя помнит, все на нее насмешливо смотрят, осуждают и, конечно же, советуют похудеть (ведь так важно заботиться о своем здоровье) – будто проще быть ничего не может. Плам копит деньги на операцию по шунтированию желудка, чтобы наконец-то похудеть и начать жить. Это же очевидно: пока ты жирный, жизнь не может быть яркой и интересной. Никто тебя не будет любить, у тебя не будет друзей – общепризнанный факт, даже надеяться нечего. Пока Плам ждет начала своей жизни, мучается угрызениями совести из-за того, что она не такая, как модели в журналах, некие террористки «Дженнифер» начинают жестоко мстить мужчинам, которые плохо относятся к женщинам (обидел женщину – лети с вертолета без парашюта). И, кажется, Плам вот-вот сама позволит себя втянуть в зловещий заговор, последствия которого могут быть взрывоопасны. А может, мир уже заслужил подобную встряску?

Сарей Уокер

Диетлэнд

Sarai Walker

Dietland

Copyright © 2015 by Sarai Walker

© Мохова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается моим родителям, которые всегда в меня верили, и моим прародительницам, у которых не всегда была возможность высказаться

Она немножко подождала – ей хотелось убедиться, что больше она не уменьшается. Это ее слегка тревожило.

– Если я и дальше буду так уменьшаться, – сказала она про себя, – я могу и вовсе исчезнуть. Сгорю как свечка! Интересно, какая я тогда буду?

Льюис Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране чудес» (перевод с английского Нины Демуровой)

Часть первая. Кроличья нора

Поздней весной, в самом конце мая, месяца, когда, по народному преданию, что ни делаешь, только маешься, я заметила, что за мной следят. словно что-то расплывчатое, туманное обрело ясные, четкие границы. Странная девушка: всюду топала за мной в тяжелых черных ботинках с развязанными шнурками и в цветных колготках, ярких, как фруктовые леденцы. Я понятия не имела, почему она преследует меня. Я уже привыкла к тому, что, где бы я ни находилась, люди всюду пялятся; но с девушкой все было по-другому. Будто для нее я была не объектом насмешек, но неким фантастическим созданием – она с интересом наблюдала за мной и записывала что-то в красный блокнот на пружинке.

Помню, впервые увидела ее в кофейне. Там я проводила почти все дни: за столиком в глубине зала в компании ноутбука. Я работала, отвечала на письма девочек-подростков («Дорогая Китти, у меня растяжки на груди! Пожалуйста, помоги!»). Письма лились бесконечным потоком, так что обычно я просиживала за ноутбуком часами, потягивая кофе и мятный чай, раздавая советы, на что не имела никакого права. Три года эта кофейня была моим мирком. Я сошла бы с ума, если бы работала в квартире, заключенная в четырех стенах, где ничто не отвлекало бы от нескончаемых «Китти, Китти, помоги!».

Как-то раз я оторвала взгляд от экрана ноутбука и заметила девушку, сидящую за столиком неподалеку: она беспокойно барабанила пальцами по коленям, обтянутым лимонно-зеленой лайкрой; ручки ее холщовой сумки беспорядочно свисали со стула напротив. Тогда-то я поняла, что уже видела ее тем же утром у входа в подъезд: сгорбившись, она сидела на ступеньках, лицо ее закрывали длинные темные волосы. Когда я проходила мимо, она подняла голову и повернулась ко мне. Наши глаза встретились, и взгляд этот навсегда отпечатался у меня в памяти; я еще не раз вспомню его в ближайшие месяцы, когда лицо девушки будет мелькать во всех газетах и телевизионных новостных блоках – хитрый любопытный блеск из-под густо начерненных ресниц.

После того дня в кофейне я начала замечать девушку и в других местах. Не она ли стояла, лениво прислонившись спиной к дереву через дорогу от церкви, куда я ходила на собрания «Худого дозора»[1 - В авторском варианте организация именуется «Вейст Вотчерс» (англ. Waist Watchers, «наблюдатели за талией») по аналогии с «Вейт Вотчерс» (англ. Weight Watchers, «наблюдатели за весом») – основанной в 1963 году американской компанией, предлагающей потребителям различные продукты, услуги и инновационные разработки, помогающие в потере веса и его сохранении. – Прим. переводчика.]? Не она ли в супермаркете притворялась, что поглощена разглядыванием этикетки на банке консервированной фасоли? До сих пор помню, как я продиралась сквозь тесные, похожие на лабиринт полки супермаркета, заставленные цветастыми картонными коробками и жестяными банками, а девушка шла за мной по пятам, кидая в свою корзинку случайные товары с полок (пакетик корицы, бутылка отбеливателя) всякий раз, когда я оглядывалась назад.

Как я уже говорила, я привыкла к тому, что, куда бы ни пошла, во взглядах людей всюду сквозило отвращение, а иногда и осуждение. Но никто из людей прежде не изучал меня с таким неподдельным интересом, как эта девушка. Почти всю жизнь я старалась раствориться в толпе, смешаться с ней, что всегда

было нелегко; моя же странная преследовательница будто содрала одеяло с кровати, оставила меня в одном белье дрожать от холода и стыда у всех на виду.

Однажды вечером по пути домой я вновь услышала за спиной знакомый топот тяжелых ботинок. Я не выдержала и развернулась к ней:

– Ты что, следишь за мной?

– Что, прости? – спросила она, вынимая из ушей крохотные белые наушники. – Я тебя не расслышала.

Я никогда раньше не слышала ее голоса. Ожидала хрупкий, писклявый голосок и не была готова к уверенному, ровному тону.

– Ты следишь за мной? – повторила я не так смело, как в первый раз.

– Сли-и-ижу за тобой? – ухмыльнулась она. – Вообще не знаю, о чем ты.

И она прошмыгнула мимо и беззаботно зашагала по тротуару, изредка перепрыгивая через корни деревьев, что пробивались сквозь асфальт.

Тогда, наблюдая за тем, как она уходит прочь, я еще не знала, кем эта девушка окажется – посланницей из другого мира, прибывшей для того, чтобы пробудить меня ото сна.

* * *

Когда я думаю о своей прежней жизни, я представляю ее небольшой диорамой в обувной коробке: улицы, парки, авеню и я – черное пятно посередине. В течение многих лет моя ежедневная деятельность оставалась в рамках пяти кварталов: квартира-кофейня-собрания «Худого дозора», квартира-кофейня-собрания и далее по списку. Моя жизнь не отличалась разнообразием, но и я не хотела ничего менять. Тогда я видела себя лишь наброском и ждала, когда яркие краски сами заполнят холст моей жизни.

Кому-то со стороны, да той же преследовательнице, я могла показаться несчастной, но это, конечно же, лишь взгляд со стороны. Каждый день я принимала по тридцать миллиграммов антидепрессанта Y. Я начала принимать Y еще с выпускного года в колледже. И все из-за парня. Спустя пару недель после рождественских каникул мое сознание провалилось в глубокую, темную бездну. Целыми днями я просиживала в библиотеке и притворялась, что занимаюсь. Библиотека находилась на седьмом этаже; в какой-то день я стояла напротив раскрытого окна и воображала, как брошусь вниз, приземлюсь в мягкий, белоснежный сугроб, где будет не так больно. Меня заметила библиотекарша – оказалось, что я плакала, – и позвонила врачу в студенческую больницу. После того случая антидепрессанты стали неотъемлемой частью моей жизни. Моя мама прилетела в Вермонт. Они с доктором Уиллоуби (стариканом с седыми волосами, серым лицом, серыми передними зубами и такими же серыми стеклами в очках) решили, что лучше всего для меня будет постоянно консультироваться у психотерапевта и начать принимать Y. Лекарство забрало уныние, а взамен оставило что-то другое. Нет, не счастье, а скорее постоянный низкий гул в голове, этаким «серый шум», от которого нельзя было избавиться.

Даже после того, как окончила колледж, прекратила сеансы у психотерапевта и переехала в Нью-Йорк, я продолжила принимать Y. В Нью-Йорке я поселилась в одном из тех старинных домов Бруклина из бурого камня на Свон-стрит, в квартире на втором этаже. Узкие коридоры, тянущиеся от одной стороны здания до другой, полированный пол из светлого дерева, эркеры, выступающие вперед, – такая квартира, да еще и в престижном районе, была для меня роскошью не по средствам. Но квартирой владел двоюродный брат моей мамы; он уменьшил для меня сумму аренды. Джереми бы позволил мне жить там и бесплатно, если б мама не вмешалась и буквально не потребовала у него, чтобы он брал с меня хоть какую-то плату. Но то, что я платила, было сущими крохами. Джереми работал корреспондентом в «Уолл-стрит джорнал». После смерти жены просто не смог заставить себя жить в Нью-Йорке, особенно в сердце всех своих бед и несчастий – Бруклине. Начальство отправило Джереми в Буэнос-Айрес, затем в Каир. В квартире было две спальни, одна полностью забита вещами Джереми, но я сомневалась, что он когда-нибудь вернется за ними.

Гостей у меня на Свон-стрит, считай, не было. Раз в год приезжала мама. Иногда забежала моя подруга Кармен, но в основном мы встречались с ней в кофейне. В моей настоящей жизни у меня было бы больше друзей, были бы и крутые вечеринки, и парни, остающиеся на ночь. Но моя жизнь не была настоящей. Пока.

На следующий день после стычки с девушкой я с опаской выходила из дома. Но девушки нигде не было, и я с легким сердцем зашагала вперед, обрадовавшись, что избавилась от хвоста. Впереди ждал привычный рабочий день в кофейне, но сначала нужно было заскочить на собрание «Худого дозора»; я специально выбрала путь подлиннее, лишь бы избежать столкновения с придурками, которые вечно тусовались в конце квартала и часто отпускали про меня грубые, грязные шуточки.

Собрания «Худого дозора» проходили в подвале церкви на Секонд-стрит. Это была ничем не примечательная церковь из серого камня, почти незаметная рядом с химчисткой и огромным спортзалом; лишь круглое витражное окно с изображением изящной маргаритки из разноцветных стекол могло обратить на себя внимание. Войдя в церковь, я на автомате спустилась по винтовой лестнице в подвал, где меня встретила привычная женщина с клипбордом в руках.

– Плам, привет, – поздоровалась она и указала на весы. – Сто тридцать семь килограммов восемьдесят девять граммов, – заговорщически прошептала она, и я расплылась в улыбке: за неделю я сбросила почти килограмм.

Я расписалась в журнале на столике у двери, забрала рецепты на неделю и быстрым шагом двинулась к выходу в надежде убраться из церкви до того, как начнется собрание. Я была участницей группы «Худой дозор» уже много лет, поэтому посещать собрания мне было необязательно; впрочем, если бы я не посетила больше ни одной встречи, все равно смогла бы продекламировать все их догмы даже на смертном одре.

Обычно на утренние встречи ходили только женщины; большинство из них были немногим старше меня, замужем, с грудными детьми или с малышами, которых они приводили с собой и усаживали на коленки. Они, конечно, были полноватыми после беременности, но отнюдь не огромными. По сравнению с ними я чувствовала себя не только необъятной, но и совсем молодой, неопытной простушкой. Как будто я внезапно превращалась в девочку-подростка, одну из тех, какие пишут письма Китти, вот только мне было почти тридцать. Когда я находилась среди женщин, живущих настоящей взрослой жизнью, какая, по идее, должна быть и у меня, я ощущала себя томящейся вне времени, тушкой животного в гигантской банке с формалином.

Я поднялась по лестнице и бросила карточки с новыми рецептами в сумку с ноутбуком. Дома у меня была коллекция из более чем тысячи рецептов «Худого дозора», которые я рассортировала по закускам, основным блюдам, десертам и так далее. После того как я что-либо приготавливала и пробовала по этим рецептам, я оценивала их звездочками на обороте карточки (самое большое – пять звезд).

Я всеми силами старалась быть хорошей «дозорной», хотя для меня это было невероятно трудно. Каждый день я начинала с правильного завтрака и закусок, но иногда голод настолько овладевал мной, что руки начинали дрожать и я не могла ни на чем сосредоточиться. Тогда я срывалась. И ела что-нибудь вредное. Я не могла сопротивляться голоду. Голод для меня подобен смерти.

Поскольку диеты со мной не работали, я решила променять постулаты «Худого дозора» на операцию по снижению веса. Операция была назначена на октябрь, до нее оставалось чуть больше четырех месяцев. Конечно, я ждала этого, но меня пугала мысль о том, что мои внутренние органы будут резать и перетасовывать, а также боялась возможных осложнений, которые последуют за операцией. Мой желудок стал бы размером с грецкий орех, и я смогла бы за один прием пищи съесть не больше столовой ложки еды, и так до конца дней. Это из минусов. Огромнейший плюс – я смогла бы сбрасывать от четырех с половиной до десяти килограммов в месяц. В лучшем случае за год я бы сбросила более девяноста килограммов, но вряд ли я зашла бы так далеко. Я была бы счастлива весить и пятьдесят семь – шестьдесят килограммов. Но с «Худым дозором» дорога к фигуре мечты была мне заказана – много лет я посвятила их программе, но не худела, а становилась только больше и больше.

Выйдя из полутьмы церкви, я невольно зажмурилась от солнечного света; я почти ожидала увидеть таинственную преследовательницу под сенью дерева через дорогу, но ее там не было. Облегченно вздохнув, я перешла на другую сторону улицы; так мне не пришлось бы проходить под окнами спортзала, из которых каждый самодовольный качок таращился бы на меня.

Я решила было, что спугнула девушку, раз не увидела ее утром, но, оказалось, она уже ждала меня в кофейне. Вместо того чтобы преследовать, она меня опередила. Случись что, она могла заявить, что это я слежу за ней.

Когда я проходила мимо ее столика, она ничем не выдала, что знает меня, лишь продолжила сидеть и грызть колпачок ручки, прикидываясь задумчивым философом. Я тоже сделала вид, что не обращаю на нее внимания, и водрузила ноутбук на любимый столик. Сложно сосредоточиться на работе, когда за тобой пристально наблюдают; но я собралась с духом, вошла в аккаунт и загрузила первые сообщения.

От: LuLu6

Кому: DaisyChain

Тема: сводный брат

Привет, Китти.

Мне четырнадцать с половиной. Надеюсь, ты pomoжешь мне. У меня нет отца. В прошлом году моя мама вышла за этого Ларри. У него два сына, Эван и Трой. Они теперь мои сводные братья. Я боюсь, очень, не знаю, что мне делать. Сколько раз я просыпалась посреди ночи и заставляла Троя в своей комнате, у кровати! Он пялится на меня, пока я сплю. Если он видит, что я проснулась, то сразу сваливает. Ему 19. Может, он и лапает меня, я не знаю. Однажды он зашел в ванную, когда я принимала душ голой. Сказал, ему нравятся мои сиськи. Я все маме рассказала, но она мне не поверила. Сказала, я все придумала, чтобы она развелась с Ларри (типа я ненавижу его). Что мне делать?

Чмоки,

Лу-Энн из Огайо

Лу-Энн была моей первой «девочкой» за день, так что я еще не работала в полную силу. Я отвернулась к окну, чтобы меня не отвлекал мигающий текстовый курсор в поле для ввода, и принялась сочинять ответ. «Дорогая Лу-Энн, мне очень жаль, что мама не верит тебе. Твоя мать недостойна называться матерью». Матери читательниц Китти часто ставили своих любовников выше дочерей, желание иметь рядом мужчину заглушало материнский инстинкт, необходимость защищать свое дитя. Меня так и подмывало попросить у Лу-Энн

их домашний номер, позвонить ее мамаше и сказать той пару ласковых. «Я рада, что ты написала мне, Лу-Энн. Немедленно обратись к психологу-консультанту в своей школе. Он или она обязательно помогут тебе». Нет, так не пойдет. Лу-Энн и так приходилось несладко, не хватало еще перешвыривать ее, как фрисби.

Я склонилась к своему ноутбуку – странная девушка все еще находилась в поле зрения, будто назойливый комар или муха, – и принялась печатать ответ, включая голос Китти:

От: DaisyChain

Кому: LuLu6

Тема: Re: сводный брат

Дорогая Лу-Энн

Меня *сильно* беспокоит то, что твоя мать не верит тебе. Я тебе верю! На твоём месте я бы запирала спальню на ночь. Если на твоей двери нет замка, то забаррикадируй ее стулом или тумбочкой. Сверху положи стопку книг или что-нибудь тяжелое. Если Трой все же проберется в комнату, кричи как можно громче, когда увидишь его. Держать рядом с кроватью бейсбольную битку или что-нибудь подобное для самообороны точно не помешает. У тебя есть мобильник? Не бойся позвонить по номеру 911 (даже ночью!), если Трой не прекратит приходить.

Дальше. Обязательно расскажи обо всем взрослому, которому можешь всецело доверять (маме твоей лучшей подруги или любимой учительнице). Если у тебя никого такого нет, обратись за помощью в полицию. Ты знаешь, где находится полицейский участок в твоём городе? Ты можешь пойти туда и объяснить все, что происходит (попроси, чтобы с тобой поговорила женщина-полицейский!).

Я рада, что ты связалась со мной, Лу-Энн. Посылаю тебе всю свою храбрость через это письмо. Я с тобой.

С любовью,

Вычитываю свой ответ и отсылаю его, пытаюсь заглушить тревожные мысли о Лу-Энн, стуле, подпирающем дверь в ее спальню, и о том, как ее сводный брат в темноте проскальзывает под одеяло, обрекая девушку на пожизненные сеансы у психотерапевта или на еще что похуже. Мне необходимо было выкинуть Лу-Энн из головы; здесь нужно отдать должное интернету – людей можно удалить, одним кликом стереть из своей жизни. Я отвечала каждой девочке только один раз, и если она писала снова, я обычно игнорировала ее. С тем объемом сообщений, который я получала каждый день, у меня не было времени становиться подружкой по переписке. Чтобы выжить, мне нужна была бессердечность, присущая врачу «Скорой помощи».

Так, что там дальше. В моем ящике были сотни входящих. Прежде чем продолжить, я хотела заказать свой привычный обед – сэндвич на овсяном хлебе с ростками фасоли и обезжиренным хумусом (300 ккал), но девушка стояла у прилавка, расплачиваясь за свой фруктовый смузи. Кармен обслуживала ее, не подозревая, что меня с девушкой соединяла незримая цепь: куда бы я ни пошла, шла и она.

Кофейня Кармен походила на уютную кухоньку пятидесятых с бирюзовыми стенами и винтажными нефритовыми чашами, украшавшими витрины. Фасад – сплошь панорамные окна, как огромный экран, демонстрирующий загруженную людьми и машинами Вайолет-авеню. Бывало, Кармен в кофейне нужны были лишние руки, и я работала за прилавком или на кухне, приезжая с рассветом, чтобы испечь кексикки или банановый хлеб. Несмотря на соблазны, я обожала печь, но не позволяла себе часто это делать.

С Кармен я познакомилась еще в колледже; не могу сказать, что мы были подругами тогда, но позже в Нью-Йорке мы снова начали общаться. Ее кофейня стала моим «офисом». Наша дружба не ограничивалась территорией кофейни, мы звонили друг другу и часто ходили куда-нибудь в городе; но теперь, когда Кармен ждала ребенка, я боялась, что многое изменится.

Девушка вернулась со смузи к столику и села. Она не стала ничего записывать в блокнот, тот лежал перед ней закрытым. Вместо этого она принялась лениво поворачивать массивные серебряные кольца, которые носила на каждом пальце, переходя от одного к другому. Выглядела она при этом как скучающая школьница на задней парте. Это я ей наскучила.

Действительно ли девушка преследовала меня? Она искренне удивилась, когда я заговорила с ней. Я совершенно не понимала, зачем кому-то вообще следить за мной, если только девушку не подослала Китти, чтобы убедиться, что я выполняю свою работу. Но девушка не была похожа на человека, который мог бы работать на Китти. Впрочем, я тоже не была похожа на такого человека.

От: AshliMcB

Кому: DaisyChain

Тема: все очень плохо

Привет, Китти.

Это может прозвучать дико, но мне нравится резать грудь бритвой. Все началось в прошлом месяце, я не знаю, почему делаю это. Мне нравится обводить лезвием соски и смотреть, как кровь пропитывает лифчик. Мне стыдно, и я не могу рассказать об этом никому, кроме тебя. Меня бесит моя грудь, мне плевать, что она вся в шрамах. Грудь мелкая, разного размера. Я знаю, что не совсем нормальна (я заглядывала на порносайты). Но я не могу и дальше резать себя, вдруг занесу инфекцию или умру от потери крови. Пожалуйста, помоги. Я не могу остановиться. Это ужасно, но мне так хорошо, когда я режу себя. Это больно, но так приятно.

Твоя подруга Эшли (17 лет)

Мазохистка. Тревога накрывает, когда я думаю обо всех этих проблемных девочках, которые могут довериться лишь редактору журнала. Но, если бы они не писали Китти, я сидела бы без работы. Просматриваю файлы на компьютере, копирую и вставляю в поле стандартный ответ для «саморезчиц» и слегка корректирую его.

От: DaisyChain

Кому: AshliMcB

Тема: Re: все очень плохо

Дорогая Эшли,

Я очень обеспокоена тем, что ты режешь себя. Многие девушки истязают себя, так что перестань думать, что ты странная или ненормальная. Но, как твоя подруга, я прошу тебя немедленно прекратить. По закону я не имею права давать тебе какие-либо советы, но я оставляю тебе ссылку на веб-сайт, где ты найдешь много полезной информации и сможешь связаться с профессионалами, которые обязательно помогут с твоей проблемой.

Следующий абзац моего ответа будет посвящен груди и порно. Просматриваю файлы: Мои документы/Китти/грудь/порно.

У многих из нас одна грудь больше или меньше другой. Помни, что актрисы в порно как раз таки ненормальные. Ты – нормальная, такая, как все! У тебя все будет хорошо.

Чтобы хоть немного ее утешить, я могла написать ей, что сама не осмелилась бы никому показать свои груди – тяжелые, с немного вспухшими венами, соски смотрят в пол. Я не хотела показывать грудь даже врачу, хотя, когда я лежала на медицинском столе для обследования, все, казалось, было не так уж плохо. Лишь когда я стою, можно оценить полный масштаб трагедии. Но я не могла сказать об этом Эшли, ведь я притворялась Китти, чья идеальная упругая грудь, я уверена, стояла и без бюстгалтера.

В основном все сообщения, на которые я отвечала, вписывались в предсказуемые категории (диеты, парни, бритвы и способы их применения). Был также ряд жалоб от канадских читателей журнала («Дорогая Таня, успокойтесь, пожалуйста, я не специально привела в пример Квебек»). Были и сложные письма («Привет, Китти. Ты когда-нибудь фантазировала, что тебя насилуют?»), но ничего, с чем бы я не могла справиться. Чем больше ответов я отсылала, тем больше писем наводняло мой ящик; так что я редко испытывала чувство полного

удовлетворения работой. В то время как в далеких странах гениталиями девочек торговали, как птичьими тушками, в жизнях «девочек Китти» случались свои катастрофы («Если Мэтт не позвонит мне, Я УМРУ!»). Вопросы о парнях всегда давались мне нелегко.

Мольбам о помощи не было конца и края. Они летели ко мне из самого сердца страны, с севера и юга, с запада и востока. Казалось, не осталось ни одного штата, чьи небеса не были бы влажными от слез стольких юных страдалец. После отправки ответа, который объяснял разницу между вульвой и влагалищем («Влагалище – это мышечный канал, который тянется до шейки матки, оно обеспечивает путь для выхода менструальной крови. Отвечая на твой вопрос, нет, ты не можешь брить влагалище. Там нет волос!»), я оторвала взгляд от ноутбука и заметила, что девушка ушла. Облегченно вздохнув, я открыла следующее сообщение, не ожидая чего-нибудь интересного или того, что вернет мне веру в прекрасную половину человечества («Каждый вечер после ужина меня рвет»). Перед тем как я окончательно впала в пучину отчаяния, что обычно происходило каждый рабочий день ближе к трем, Кармен принесла мне кофе без сахара (за счет заведения) и овсяное печенье (195 ккал).

На ней была туника для беременных в пастельных тонах, ее живот походил на гигантское пасхальное яйцо. Тяжело выдыхая, она опустилась на стул напротив.

– Ну-ка, прочитай мне одно, – попросила она, взъерошивая свои короткие черные волосы.

Письма для Китти все равно что ДТП – противоестественно привлекают к себе любопытных.

– Дорогая Китти, всегда ли плохо заниматься сексом с собственным отцом? – сказала я, опуская глаза на монитор.

– Разыгрываешь меня? Боже упаси! – неуверенно протянула Кармен, ожидая от меня намека. Когда я рассмеялась, Кармен тоже прыснула; я представила себя гадким психотерапевтом, издевающимся над своим пациентом. Кармен погладила живот и вздохнула: – А мы-то хотели девочку, но теперь даже не знаю. Ты меня напугала. Послушаешь про девочек-подростков, и мороз по спине.

– Ну все не так страшно, – вставила я. – Если глубоко не копать.

– Это еще страшнее.

Раз уж я завладела вниманием Кармен, то решила спросить ее о странной девушке. Я не упоминала о ней раньше, не хотела показаться параноиком.

– Ты помнишь девушку, что сидела вон там? – спросила я, указывая на пустой стул.

– Ту, что со стрелками? Да, в последнее время она часто сюда заглядывает. А что, она тебе мешала?

– Она немного странная, не находишь?

– Да не особо, – пожала плечами Кармен. – Ты же знаешь, кто тут только не шастает.

Она умолкла, я надеялась, Кармен пытается вспомнить что-то важное о девушке. Вместо этого она спросила, не могу ли я поработать за нее денек в кофейне на следующей неделе, пока она будет на приеме в женской консультации. Я ответила не сразу. Я старалась соблюдать диету. Сидеть за столиком в углу, ограждая себя от соблазнительных запахов и вида пищи, осушая бесконечные кружки чая и кофе, – это одно, но стоять за прилавком – совсем другое.

– Конечно, я тебя подменю, – наконец ответила я. В какие-то дни Кармен была единственной, с кем я разговаривала. Это была лишь болтовня, но в нужное время она спасала меня от мрачных мыслей. За это я была в долгу перед ней.

Кармен вернулась к работе, а я, будучи прилежной «дозорной», откусила лишь малюсенький кусочек от овсяного печенья. Две девчонки за соседним столиком согнулись пополам от смеха, наблюдая за мной. Я положила печенье обратно на тарелку и решила работать быстрее, чтобы поскорее уйти. Лучший способ – нырнуть в письма с головой, нащупывая путь в темной воде слов и не позволяя ничьим щупальцам схватить себя и утащить на дно. Пусть течение несет меня.

Почему все модели в вашем журнале такие тощие девкам повезло я всегда буду жирной дурой он сказал мне после школы но он мне все еще нравится я знаю что это глупо потому что он груб со мной и моя подруга хочет избавиться от этой отвратной красной сыпи на руках можешь помочь мне пожалуйста потому что мои ноги выглядят в купальнике как сардельки уйти ли мне из команды по плаванию и что мне делать если никто не пригласит меня на танцы а мой двоюродный брат попросил меня пойти с ним и это вроде как инцест или нет все ли любят рыжих у меня волосы на вагине несексуальные титьки мой учитель истории сказал мне когда я была в фиолетовой футболке он извращенец и теперь я боюсь что потолстею на каникулах и что мне делать если я не могу позволить себе ринопластику ни один парень не полюбит меня с таким носом это тайна для меня как ты можешь спать по ночам тупая шлюха почему он так сказал я не шлюха я не понимаю почему мама не разрешает мне пользоваться тампонами я сказала что все еще буду девственницей если использую тампон можешь написать ей у меня был секс потому что мой парень заставил меня но потом сказал что ему жаль это считается изнасилованием или нет потому что я все еще люблю его и непонятно почему когда я крашусь красной помадой она прилипает к моим передним зубам.

И последнее письмо, от заключенного: «Мне нравится дрочить, когда смотрю на твои фотки. Пришлешь мне свои трусики?» Удалить.

Дома ждала посылка. Я села на кровать – ремешок сумки от ноутбука неприятно врезался мне в грудь – и нетерпеливо разорвала коричневую оберточную бумагу. Внутри свертка покоилось отрезное платье до колен, белое с фиолетовой отделкой по подолу. Оно было еще прекраснее, чем на фотографиях в каталоге.

В углу моей спальни стояло огромное зеркало в полный рост в медной раме. Обычно оно было накрыто простыней, но сейчас я отбросила ее в сторону, чтобы можно было держать платье перед собой и любоваться им в зеркале, представляя, как чудесно оно будет выглядеть на мне, когда я похудею. Насмотревшись вдоволь, я повесила его в шкаф вместе с другой слишком тесной для меня одеждой.

Моя повседневная одежда была беспорядочно забита в комод или валялась на полу. Кипы бесформенных стретчевых тряпок с тоннами эластичных вставок – они не были модными или не модными, они не были похожи на одежду вообще.

Я всегда носила черное и редко сворачивала с «пути праведного», выстеленного юбками макси и хлопчатобумажными кофтами с длинными рукавами, даже летом. Волосы мои тоже были почти черными. Много лет я ходила с волосами длиной до подбородка, с объемными боковыми прядями и прямой челкой. Мне нравилась эта прическа, но она делала мою голову похожей на шарик, который можно открутить от тела, подобно колпачку с флакона духов.

Внутри шкафа же не было ничего черного, лишь свет и цвет. Уже несколько месяцев я покупала одежду, которую смогу носить после операции. Два-три раза в неделю шкаф пополнялся лавандовыми и мандариновыми блузами, юбками-карандаш, платьями и различными поясками. (За всю жизнь я ни разу не надела пояс.) Одежду я заказывала, никогда не ходила за покупками лично; если кто-то моего размера заглядывает в «обычный» модный магазин, все остальные покупатели непременно глазят. Лишь однажды я купила платье в бутике – увидела его в витрине и не смогла устоять. Вошла, заплатила и попросила упаковать наряд в подарочную упаковку, как будто я делала покупку для кого-то другого.

Никто не знал про одежду, даже мама и Кармен. Кармен и про операцию понятия не имела. А вот мама была в курсе. И против. Она беспокоилась из-за потенциальных осложнений. Она даже прислала мне статьи, где были описаны все трудности и опасности данной процедуры, а также слезовыжимательную историю о детях, которые остались сиротами, когда их мать умерла после подобной операции.

– Но у меня нет детей, – пробурчала я в трубку, не желая потакать ей.

– Дело не в этом, – сказала она. – А как же я?

«Но это моя жизнь!» – хотелось мне крикнуть; после этого я обрывала наши разговоры, если она снова пыталась меня отговорить.

Проведя пальцами по ярким, нежным тканям, разгладив складки и поправив рукавчики, чтобы не помялись, я закрыла дверцу шкафа. Я прекрасно понимала, что глупо покупать одежду, которую не могу носить. Когда придет время, что-то может и не подойти. Но я все равно покупала. Мне достаточно было открыть шкаф и посмотреть на это радужное великолепие, чтобы знать – на этот раз все будет иначе. Перемены были неизбежны. Настоящая я, женщина, которой я

мечтала стать, женщина, которой я должна быть, уже в пределах досягаемости, только руку протяни. Я поймала ее, как рыбку на крючок, и вот-вот собиралась выудить. И в этот раз она не уплывет от меня.

Позвонила Кармен и спросила, не хочу ли я присоединиться к ней и ее подруге за ужином в пиццерии, но я не могла сорваться сейчас, когда следовала программе похудения, поэтому отказалась. Вместо чудеснейшей, ароматной пиццы я приготовила лазанью по новому рецепту «Худого дозора», в котором вместо говяжьего фарша использовался фарш из индюшатины с обезжиренным сыром и пастой из цельнозерновой муки. Пока она готовилась, она пахла как настоящая лазанья, но на вкус... Я поставила ей три звездочки. Я съела небольшую порцию (230 ккал) с овощным салатом (150 ккал), остальное порезала кубиками и убрала в холодильник. Мои руки все еще слегка дрожали от голода. «Буду хорошей и больше ничего не съем», – повторяла я себе.

Переодевшись в пижаму и почистив зубы, я приняла свою ежедневную дозу Y, маленькую розовую таблеточку. Это был мой ритуал перед сном, почти как молитва. Запив таблетку, я подошла к окну и откинула занавеску, всматриваясь в сумрак улицы: не сидит ли девушка на крыльце, погрузившись в музыку. Но ее там не было.

* * *

Почти все праздничные выходные, неофициальное начало лета, я проторчала дома, выбираясь лишь в библиотеку или в кино. Странной девушки я больше не видела. Во вторник утром я, как обычно, направлялась на работу в кофейню; свернув на Вайолет-авеню, я, видимо, задумалась о чем-то своем и не смотрела, куда иду. Столкновение было неизбежным. Я врезалась в нее, или, может быть, она в меня.

– Извините, – пробурчали мы одновременно; и тут, к своему удивлению, я заметила ее. Стояла передо мной со своими глазами панды и в вишневых колготках.

– Ты! – ахнула я. Мое сердце мотыльком затрепетало перед пламенем.

Девушка загадочно улыбнулась, пробормотала «Добрдень» и услужливо открыла передо мной дверь кофейни.

– Плам, – окликнула меня Кармен, проносясь мимо и размахивая руками. Ее огромный живот теперь обтягивала блузка в белый и розовый горошек. Когда она, запыхавшись, приблизилась, я вспомнила, что обещала подменить ее, пока она будет у врача. – Я ненадолго, – заверила она меня и скрылась за дверью.

Девушка беспечной походкой прошлепала вперед и уселась за мой столик. Подавляя раздражение, я направилась к прилавку, где помощник Кармен уже вовсю занимался делом. Сняв сумку с ноутбуком, я почувствовала, как напряжение высвобождается из моего тела. Так постоянно происходит, когда я избавляюсь от компьютера и бесконечных криков о помощи, заключенных внутри его. На кухне меня окружали мука, масло и яйца – истоки жизни, и ни строчки текста в поле зрения. Я вдыхала насыщенный сахарной пудрой воздух и смаковала каждый вдох, пока когти голода вновь не начали терзать мой желудок. Утренний злаковый батончик «Худого дозора» (90 ккал) – скорее опилки под клеем – был не очень-то сытным.

Много времени прошло с тех пор, как я в последний раз помогала в кофейне, но я быстро вспомнила, что и как делать. Я наполняла чашки чаем и разрезала морковный торт на куски. Аккуратно раскладывала симпатичные кексики по розовым коробкам, слизывая глазурь и посыпку с пальцев, пока никто не видел. Каким спасением для меня стала работа, которая не приносила с собой прилипающих страхов и тревог и позволяла общаться с настоящими, трехмерными людьми, чьи запросы были простыми – чашка кофе да кусок пирога, а не «как избавиться от целлюлита» или «как расшифровать поведение эмоционально незрелого мужчины».

Пока работала, я непроизвольно следила за девушкой, что сидела за моим столиком. Она вытащила серебряное зеркальце в виде ракушки и карандаш для губ из сверкающей косметички. Через прозрачный стеклянный купол для десертов я видела, немного расплывчато, как она подвела губы карандашом и причмокнула ими, улыбаясь себе в зеркале.

Отвлечшись на заказ, я отвернулась к эспрессо-машине и занялась тремя крошечными чашками. Когда я вернулась к прилавку, то увидела преследовательницу в очереди за женщиной, которая заказала эспрессо. Помощник Кармен скрылся на кухне, так что мне по-любому пришлось бы

обслужить девушку. Мне пришлось бы заговорить с ней.

Девушка невозмутимо шагнула вперед, когда подошла ее очередь, и мы оказались с ней лицом к лицу.

– Дай мне свою руку, – приказала она.

От растерянности я повиновалась. Она сняла колпачок с карандаша для губ и повернула мою правую руку тыльной стороной ладони вниз. И начала писать. Я не видела, что она пишет, но чувствовала, как кончик карандаша скользит по коже.

Когда она закончила, я отдернула свою руку. «ДИЕТЛЭНД».

– Диетлэнд, – прочла я вслух.

– Диетлэнд, – заговорщицки прошептала девушка.

Я смотрела на буквы на своей ладони. Девушка велела мне сесть на диету? Столько загадок и тревог, а она просто хотела подшутить надо мной.

Я была так ошарашена, что не могла говорить. Она этим воспользовалась, быстро собрала вещи со стола и покинула кофейню. Как раз тогда вернулся помощник Кармен. Я вытерла руку о фартук, извинилась и быстрым шагом засеменила на кухню. Дно белоснежной раковины заполнила розоватая вода, когда я подставила ладонь под холодную струю, пытаюсь смыть надпись.

Когда я вышла из кухни, я заметила, что девушка оставила на столике свой карандаш. Это был карандаш от Chanel, оттенок «Прекрасная слива».

* * *

После встречи с девушкой мне нужно было эмоционально подготовиться к визиту в офис Китти. Такое случалось раз в месяц, подобно «этим дням», и встречала я их так же радостно.

В метро, по пути из Бруклина до Манхэттена, я пальцем написала «ДИЕТЛЭНД» на своей ладони. Что все это значит? Я думала, девушка просто хотела посмеяться надо мной, но она не выглядела жестокой. Но вот странной она определенно была. Если она еще раз встанет у меня на пути, мне придется обратиться в полицию. Но я боялась, что в городе, где полным полно убийц и террористов, полиция вряд ли воспримет всерьез заявление о чудачке в цветных колготках, которая преследует какую-то толстуху.

Я вышла из метро на Таймс-сквер, остановившись на вершине лестницы, чтобы хоть немного отдышаться. Было жарко и душно. Одним взмахом пропуска сотрудника я вошла внутрь сверкающего серебристого ствола мирового дерева – Остен-тауэр, в главную цитадель империи «Остен Медиа», объединявшую в себе многочисленные издательства и не только. Книги, журналы, ряд веб-сайтов и два телевизионных канала. Если бы террористы направили самолет на эту башню и разрушили ее до основания, у американских женщин осталось бы куда меньше способов приятного времяпровождения.

До моей работы с Китти я трудилась в небольшом, не очень престижном импринте, тоже принадлежавшем «Остену», вот только офис его располагался не в сверкающей башне, а в непримечательных серых зданиях в двадцати кварталах к югу. Мы выпускали романчики о бизнес-леди и молодых карьеристках в поисках настоящей любви. Обложки были бирюзовыми, мятными, розовыми, как стены в детской. К содержанию романчиков я не имела никакого отношения, но отвечала за выпуск, отслеживала рукописи, взаимодействовала с редакторами. В общем, помогала книгам занять свое место на прилавках и книжных полках. После колледжа я мечтала писать статьи или продавать небольшие эссе в журналы, но такую работу найти не смогла, так что обосновалась в издательстве. Я любила слова. А издательство подарило мне возможность работать со словами днями напролет, плевать, что они были чужими. Неплохое место для начала карьеры. Приоткрытая дверь в мир слов.

Моими коллегами в издательстве были женщины среднего возраста в теннисных туфлях, юбках в цветочек и нейлоновых чулках. Прошло немного времени, и я растворилась в их мире обедов в пластиковых контейнерах и корпоративных поездок в дисконт-магазины после работы; я даже не пыталась двигаться дальше и найти работу, о которой мечтала. Однажды, спустя четыре года, начальница пригласила меня в кабинет, чтобы сообщить кое-что. Нас закрывают.

– Мне очень жаль, что я не могла сообщить раньше, но до тебя наверняка дошли слухи.

У нее на столе доживали последние дни голубые гортензии – стебельки в мутной воде, увядающие лепестки падали на ее ежедневник.

– Ну... – протянула я. Никакие слухи до меня не доходили.

– Не только мы. Закрывают всех. Полностью очищают здание.

Кроме нас в здании находился филиал книжного клуба «по почте» и пара небольших журналов – один про кошек, другой про коллекционирование кукол. Столько лет мы оставались «невидимками», отбросами империи «Остен», спрятанными в пристройке на Двадцать четвертой улице. Наконец, Стэнли Остен взглянул на нас с высоты трона в серебряной башне и заметил в крошечном уголке своего королевства. Следом пришло ожидаемое изгнание.

После закрытия издательства я так и ходила неустроенной, за исключением случайных смен в кофейне Кармен, но в конце концов Хелен Розенблатт из отдела кадров «Остена» позвонила, чтобы назначить встречу. В оговоренный день я приехала в Остен-тауэр и поднялась на лифте на двадцать седьмой этаж. Хелен оказалась женщиной средних лет с прической а-ля перекасти-поле. Когда она улыбалась, было видно ее верхнюю десну. Я последовала за ней в кабинет, заметив, что ее льняную юбку «съела попа».

Хелен сказала, что это бывшая начальница в издательстве посоветовала ей связаться со мной.

– Мы давние подруги, – объяснила она, и мне вдруг стало жутко любопытно, что же начальница рассказала ей про меня. Хелен хотела поговорить со мной о Daisy Chain, журнале для девочек-подростков. Я читала Daisy Chain, когда училась в школе. Даже моя мама и ее подруги читали его, когда были подростками. Журнал выходил еще с пятидесятых годов и был такой частью американианы, что первый выпуск был выставлен в одном из музеев Смитсоновского института в Вашингтоне, наряду с выпусками Seventeen и Mademoiselle. Правда, я сомневалась, что современные выпуски Daisy Chain способны были составить конкуренцию номерам, выставленным в музее. На столе Хелен покоился свежий номер, чья обложка пестрела словами «Дать кому-то сорвать свой цветок не так

страшно, как остаться за чертой!»

Хелен сказала, что главным редактором Daisy Chain была назначена Китти Монтгомери. Все остальные журналы для девочек-подростков в «Остене» закрыли, так что на плечи Китти легла ответственность за последнюю «нить Ариадны в темном лабиринте» для молодых американок.

– Она просто бомба, – подмигнула мне Хелен. – Мистер Остен так доволен, что даже дважды приглашал ее в «Виньярд»[2 - Театр Vineyard (рус. «Виноградник») – некоммерческий внебродвейский театр, располагающийся на 15-й улице в районе Манхэттена в Нью-Йорке неподалеку от Юнион-сквер.].

Хелен объяснила, что в ежемесячной колонке Китти любила делиться фотографиями и трагическими, душещипательными историями подростковых лет, когда она была долговязой, плоскогрудой неудачницей из пригорода Нью-Джерси. Пока Хелен отвечала на телефонный звонок, я взяла на себя смелость пролистать свежий выпуск и прочитать в колонке Китти о том, как ее избивали одноклассницы, а парни запирали в школьной раздевалке. Ее мать только приумножала страдания, не позволяя дочери пользоваться косметикой и даже бритвой. В конце каждой колонки, напротив фотографий из счастливой юности, помещалась фотография Китти такой, как она выглядела сейчас. Гламурная, сногшибательная женщина, которой удалось, подобно змее, сбросить старую, отвратительную подростковую кожу и выйти победительницей из всех передрыг. На одной из фотографий она сидела в офисе в Остен-тауэр, взирая с огромной высоты на равнины Нью-Джерси, земли ее бывших мучителей, такие маленькие и незначительные сейчас.

– Учитывая популярность Китти, она просто завалена письмами от читательниц, – объяснила Хелен, когда закончила свой звонок. – Они вдохновлены чудесным преображением Китти. Жаждают ее совета. Пишут ей через раздел «Привет, Китти» на сайте журнала. Письма льются рекой.

Я все ждала, когда же Хелен скажет, какое отношение все это имеет ко мне. Я подозревала, что мне хотят предложить работу, но думала, отошлют куда-нибудь в отдел подписки.

– Юридический отдел предпочел бы, чтобы мы рассылали читательницам шаблонные ответы, автоматически сформированные по ключевым словам, но

Китти об этом даже слышать не хочет. В конце концов они сдались, и мы решили нанять кого-нибудь, кто будет отвечать ее «девочкам», как она их называет, раздавая советы, предлагая сестринскую поддержку и все такое. Это частная переписка, она не появляется в журнале. – Хелен на мгновение замолчала и впиалась в меня взглядом. – Я думаю, ты идеально подходишь для этой работы. Я уже посылала Китти других девушек, но ни одна из них надолго не задержалась. Но ты... – Хелен поправила очки, – ты другая.

Вот тогда-то я поняла, что бывшая работодательница рассказала про меня.

– Вы хотите, чтобы я отвечала читательницам, притворяясь Китти?

– Притворяться – не совсем то слово. Ты будешь частью команды. – Хелен сложила руки на груди, которая была не двумя отдельными частями, а скорее огромной полкой. – Ты старше, чем другие девушки, которых мы рассматривали для работы. Ты во многом отличаешься от них. Большинство из них... Ну ты знаешь. Я слышала, ты умная, но не это главное. Ты будешь писать от лица Китти, говорить ее голосом. Тебе не обязательно верить в то, что пишешь; главное, чтобы в это верила Китти. Пиши так, как писала бы она, если бы у нее было время. Я думаю, что ты прекрасно сможешь понять страхи и тревоги наших девочек, вот что важно.

Знаю, что должна была быть благодарна за такую работу, но меня обидели слова Хелен, а я старалась всячески скрыть это.

– Почему вы решили, что я смогу понять ваших девочек? Вы меня едва знаете.

– Я просто предположила, – сказала она, но мы обе знали, что она имела в виду. Я терпеть не могла, когда мне намекали на мой вес, несмотря на всю его очевидность. Как будто они ставили клеймо «что-то не так» на мне, когда я всей душой мечтала стать такой, как все.

Я поблагодарила Хелен за предложение, но мысль о работе в сверкающей башне «Остен Медиа» меня совсем не привлекала. Все равно что вернуться в старшую школу – пятьдесят два этажа шепотков, сплетен и компашек, в которых мне нет места. Хелен, должно быть, начала работать в «Остене» за десятилетия до того, как превратилась в огромную женщину в постменопаузе.

Интуиция словно кричала мне: «Беги!» Я продолжала отказывать Хелен на настойчивые предложения встретиться с Китти. Когда я сдалась, Китти предложила мне работать на дому.

– Это идея отдела кадров, – сказала она. – Как видишь, стол моего ассистента едва помещается в коридоре. Нам не хватает рабочего пространства.

Идея работать на дому делала для меня эту должность привлекательной, но я сказала, что мне нужно подумать. Я не очень-то хороша в раздаче советов, да и не была уверена, что обладаю нужными навыками для этой работы. Китти, видимо, полагала, что мое «подумать» – не более чем попытка набить себе цену, так что она принялась заваливать меня цветами, сердечными письмами и даже прислала через курьера шикарную ароматическую свечу. Прежде никто не хотел так заполучить меня. Ощущение было слегка пьянящим. Я сдалась.

Три года прошло с тех пор, как я взялась за эту работу. Три года сообщений в кофейне. Я приехала на свою ежемесячную встречу с Китти, выйдя из лифта на тридцатом этаже, где меня встретили гигантские плакаты-обложки Daisy Chain, развешанные там, возможно, для запугивания врагов, совсем как здания и памятники в Вашингтоне, округ Колумбия. По привычке я опустилась на диван в форме губ у входа в кабинет Китти и принялась ждать. Наши встречи редко длились больше десяти минут, но каждый раз я просиживала в Остен-тауэр не менее двух часов, спасибо адскому графику Китти. Я бы могла и по телефону ей все рассказать, но Китти всегда настаивала на личной встрече.

Пока я ждала, ассистент Китти, Эладио, рубился на компьютере в игру. Когда я приехала к Китти в первый раз, Эладио отвел меня в огромный конференц-зал с панорамными окнами и указал вниз на крошечных людей, суetyщихся под нашими ногами.

– Вот что я люблю в своей работе, – ухмыльнулся он. – Могу смотреть на всех свысока.

Он был единственным мужчиной в штате из двадцати одной белой женщины; он также был латиноамериканцем и геем, такое к-к-комбо. Однажды он сказал мне, что в определенное время месяца он становится раздражительным и капризным, склонным к вспышкам неспровоцированной ярости, ровно в то же время, когда к

его коллегам в офисе приходят «эти дни». «По ошибке природы скачу на гормональных американских горках» – как он это называл. Он держал на столе коробку из-под «Мидола ПМС», но, насколько мне известно, внутри там были мармеладки. Китти как-то поделилась с читательницами в колонке, что циклы обитательниц офиса постоянно совпадали. Она утверждала, что в такие дни «массового кровопролития» мусорные ведра в дамской комнате были заполнены до отказа.

Пока я ждала Китти, я успела пролистать свежий номер Daisy Chain, проверяя выходные данные. А там – мое имя, напечатанное более миллиона раз и распространенное по всей Северной Америке. «Специальная помощница главного редактора: Алисия Кеттл». Да, мое настоящее имя – Алисия, но никто никогда не называет меня так.

Наконец, в поле зрения появилась Китти. Выглядя совершенно загруженной, она как стрела ринулась в кабинет, сбросив на стол кипы журналов и папок, успев на ходу сказать: «Плам, заходи».

На ней были черные брюки и укороченная футболка, которая оголяла плоский животик. В пупке блестел красный камешек, подобно ошибочно расположенному бинди. Я села напротив, пока она лихорадочно наводила порядок на столе.

– Дай мне еще минутку, – сказала она, внимательно изучая зеленую клейкую записку.

Вертолет завис напротив ее окна, большой и черный, как гигантская муха. Я закрыла глаза. В Остен-тауэр я всегда чувствовала себя неудобно, иногда у меня даже кружилась голова и к горлу подступала тошнота. Мне не нравилось находиться на таком огромном расстоянии от земли, подвешенной в воздухе, между пластинами стали, стекла и бетона. С закрытыми глазами я представляла, как пол у меня под ногами растворяется, плавно опуская меня вниз, на землю.

– Плам? – Китти стояла за своим столом и смотрела на меня, в замешательстве приподняв одну бровь. Она являла собой завораживающее, гипнотическое зрелище, на которое лучше смотреть издалека. Яркий солнечный свет, струящийся сквозь огромные окна, окутывал ее силуэт, опалял ярко-рыжие кудри, похожие на шипящих змей на голове Медузы-горгоны. Мне пришлось невольно зажмуриться; казалось, я галлюцинирую или смотрю на книжную

иллюстрацию в стиле макабр, что-то нарисованное Эдвардом Гори.

Китти начала болтать о сентябрьском выпуске, вываливая на меня информацию о статьях, колонках и модных разворотах. Тема номера была «Снова в школу!», самый объемный выпуск за год. Она всегда делилась со мной этими подробностями, хотя ни одна из моих работ так и не появлялась в журнале. Я предлагала ей идеи для статей, надеясь начать карьеру журналиста, но Китти никогда не поручала мне ничего.

Когда, наконец, пришло время обсудить ее переписку, она уселась за свой стол в полной готовности делать заметки. Я в общих чертах нарисовала для нее «картину месяца». Я не вела никаких официальных записей, просто рассказывала ей общее содержание писем.

– Много мазохисток.

– Мазохистки, – повторила за мной Китти, чирикавая что-то в своем блокноте.

– Булимичек.

– Булимички. – Китти снова что-то записала и кивнула мне, чтобы я продолжала.

– Замешательство относительно женской анатомии.

Китти взмахнула рукой, будто отгоняла мои слова, как жужжащую над ухом пчелу.

– С этим я ничего не могу поделать, – вздохнула она. – Те родительские группы сказали, что подадут на нас в суд, если мы еще раз используем в журнале слово «влагалище». Придется просто избегать его. Что, конечно, затрудняет написание статей о тампонах. Я только что вспомнила. – Китти резко откинулась на спинку стула, как будто ее ударило молнией. – Эвфемизмы – вот что нам нужно! – воскликнула она и посмотрела туда, где в дверном проеме виднелся стол Эладио.

– Придумай эвфемизмы для влагалища, – крикнула она ему.

– Ножны? – оживился Эладио.

– Нет, ничего сексуального. Какие-нибудь медицинские термины. Составь список и отправь автору тампонной статьи. Скажи, ей нельзя писать «влагалище». И перешли список Плам, на случай если она тоже захочет что-нибудь из этого использовать.

Сложно было поверить, что все мы занимались настоящей работой, за которую платили. Позже обязательно расскажу об этом Кармен.

Китти повернулась ко мне.

– Хорошо, хоть с этим разобрались, – выдохнула она, хотя я не закончила просматривать воображаемый список. – Говоря между нами, я понимаю, что многие части журнала совершенно дурацкие, но наши читательницы – реальные девочки с реальными проблемами. Я искренне верю, что мы можем помочь им. Мне нравится думать, что работа, которую мы с тобой делаем, – это анекдот ко всем кошмарам этого мира. Стой, я имела в виду антидот.

Услышав подобное сравнение, я представила себе следы от укуса на лодыжке девочки, будто змеиные клыки глубоко проникли в ее плоть. Плоть, воссозданную словами Китти. Она всегда говорила о «девочках» как о реальных, настоящих людях, в то время как для меня они были не более чем армией настойчивых, надоедливых муравьев.

– Я всегда говорила: «Плам – наша связь с девочками». Твоя работа так же важна, как и работа всех здесь, хотя ее результаты и не публикуют на страницах журнала. – Она продолжала самозабвенно щебетать еще секунд тридцать. Слова лились, как река патоки. – Так, мы должны еще кое-что обсудить, а потом я тебя отпущу, – сказала она. – Для предстоящего выпуска наши сотрудники тестируют всяческие штуки для ухода за собой. Бритвы, дезодоранты, блески для губ, лаки для волос, все такое. Потом мы расскажем девочкам, что лучше всего работает. Я и тебя хочу включить.

– Вам не обязательно включать меня.

– Обязательно, обязательно! – сладеньким голоском пропела Китти. – То, что ты работаешь дома, не значит, что ты не одна из нас. Рассказать, что произошло со

мной вчера, когда я тестировала гель для бритья? Сажу я на краю ванны, ногу вытянула так, чтобы можно было опереться ей в раковину. Представила, да? – Китти была почти два метра в высоту, так что я спокойно могла вообразить себе ее ногу, протянутую от ванны до раковины, как изящный мост из слоновой кости. – Брею ногу и не осознаю, что нечаянно задела лезвием вросший волосок на голени. Я бреюсь, а крошечная капля крови падает с моей ноги на кафельный пол. Ты знаешь, моя ванная полностью белая, и эта капелька... словно маленький красный цветок посреди сугроба. Единственное пятно цвета. Я смотрела на нее, и, только не смейся, – я смотрела и думала: «Как красиво!» Я просто сидела и смотрела на свою кровь. И думала: «Это моя кровь». Конечно, мы, женщины, видим свою кровь каждый месяц, но это не было противно или грязно, понимаешь? Я провела бритвой по ранке еще раз. Больше капель на полу. Струйка крови побежала по моей голени. Если бы мой любовник не постучал в дверь, я бы могла заниматься этим всю ночь.

Китти все говорила и говорила о своей крови на белоснежной плитке, но в моей голове звучал другой, полный тревоги голос: «Привет, Китти. Мне нравится резать грудь опасной бритвой... Мне нравится обводить лезвием соски и смотреть, как кровь пропитывает лифчик... Это ужасно, но мне так хорошо, когда я режу себя. Это больно, но так приятно».

Китти ушла, а я снова уселась на диван в форме губ, ожидая редактора отдела красоты. Головокружение и тошнота – постоянные спутники моих визитов в Остен-тауэр – не заставили себя долго ждать, поэтому я отправилась в дамскую комнату по лабиринту коридоров, завешанных гигантскими обложками журнала. Все равно что нащупывать путь в хижине охотника, где на тебя всюду смотрят головы убитых животных – модели с остекленевшим взглядом. Так что я шла, уныло глядя на ковер под ногами, пока не добралась до туалета; внутри группка девушек о чем-то оживленно сплетничали у зеркал и раковин. Я закрылась в одной из кабинок в конце и начала медленно вдыхать и выдыхать, уставившись на дверцу кораллового цвета. Тошнота усиливалась, меня мутило, я почувствовала, как что-то бурлит внутри, кувыркается, будто одинокий носок в сушилке. Я склонилась над унитазом, принялась давиться, тужиться, но ничего не вышло. Девушки у раковин разом перестали болтать, и мне стало стыдно за звуки, которые я издавала.

Когда тошнота немного отступила, я опустилась на пол, не в силах стоять на ногах. Девушки возобновили разговор, который перемежался звуком льющейся

воды. Затем разговор прекратился. Я услышала, как открывается и закрывается дверь.

Я прильнула спиной к стене кабинки, глубоко вдохнув затхлый воздух уборной, отчего снова начало тошнить. Я провела рукой по трем резинкам, которые сдавливали мою, если можно так сказать, талию, – от юбки, колготок и утягивающего белья.

Дверь в уборную вновь открылась и закрылась.

– У тебя там все хорошо? – раздался голос с другой стороны кабинки. Странно знакомый. Под дверью я увидела ноги в полосато-зеленых, как корка арбуза, колготках и в черных армейских ботинках с развязанными шнурками.

Возможно ли?

– Я оставила для тебя кое-что на кухне, – сказала она и была такова.

Услышав звук закрывающейся двери, я собралась с силами, поднялась на ноги и подошла к раковине, чтобы вымыть руки, совершенно обескураженная неожиданным появлением преследовательницы в Остен-тауэр. Я задумалась, может, девушка ждет меня на кухне для персонала? Но когда я пришла туда, ее там не было. Я огляделась вокруг, совершенно не представляя, что девушка могла оставить для меня, пока не заметила «барахолку».

Все, что не было использовано в журнале, сваливалось на специальный стол на кухне, откуда любой мог взять, что ему захочется. Я покопалась в куче: сумочка со сломанной бамбуковой ручкой, несколько пар дешевых пластиковых сережек, тюбики с блеском для губ, еще много разного барахла, но ничего, что, казалось, было бы там для меня. Рядом со столом на полу стояла коробка с книгами. Я наклонилась, чтобы просмотреть: несколько подростковых сентиментальных романов, запрещенная биография поп-певца... Наконец, я увидела ее. «Приключения в Диетлэнде». Книгу за авторством Верены Баптист.

Имя было мне незнакомо, пока я не прочла аннотацию на задней стороне обложки. Когда я поняла, кто она такая, я невольно закрыла глаза. Может быть, я и находилась внутри сверкающей башни, на высоте тридцати этажей, окруженная стеклом и сталью, но в своей голове я вернулась на Харпер-лейн,

назад во времени, в дом моего детства. Что-то защемило у меня в сердце, как всегда бывало, когда меня накрывали воспоминания. Откуда девушка это знает? Она не могла знать.

Я открыла книгу в надежде, что внутри отыщется записка или что-то еще, чтобы сообщить мне, что я нашла правильную подсказку в ее «охоте за сокровищами», но там ничего не было. Я запихнула книгу в сумку и двинулась к двери, как вдруг она внезапно отворилась передо мной.

– А я тебя везде ищу. – Помощница редактора отдела красоты всучила мне сумку с продукцией, которую я должна была протестировать.

– Ты, случайно, не знаешь девушку в армейских ботинках и цветных колготках? – спросила я, забирая сумку. – У нее еще черные стрелки на глазах. Может, она здесь стажер?

Помощница лишь пожала плечами. Я вышла с кухни и поспешила к лифтам. Когда я уже ехала домой на метро, достала из сумки «Приключения в Диетлэнде». Стоило мне прочитать первые строки: «До моего рождения моя мама была стройной молодой женой...», поезд тронулся с платформы и вошел в туннель, унося меня прочь от Остен-тауэр.

Итак, все началось.

Часть вторая. Плам и Алисия

Спустя четырнадцать часов езды из Бойсе до Лос-Анджелеса в душной машине моя мать и я прибыли к тридцать четвертому дому по Харпер-лейн, покрасневшие от жары и усталости. Моя двоюродная бабушка Делия и ее второй муж Герберт жили в небольшом каменном доме, входная дверь которого была скрыта густыми порослями кеннедии шарлаховой и бугенвиллеи. Задний двор зеленел пальмами и лимонными деревьями.

– Ты скоро вернешься домой к папочке, – прошептала мне Делия, когда я вылезла из машины. – Просто дай маме немного времени.

После того как сын Делии, Джереми, уехал учиться в колледж, она долгое время жила одна в каменной обители, пока не вышла замуж за Герберта, а потом и нас пригласила к себе. Мама устроилась в бывшем кабинете – комнате с черно-белым телевизором и раскладным диваном. Меня же поселили в свободную спальню, окна которой выходили на... пальму, точнее, на ее огромный ствол с узором из коричневых треугольничков, как шея жирафа.

После телефонных звонков отцу и обещанной поездки в Диснейленд мама уединилась в кабинете, лишь изредка покидая свое логово, и так до конца лета. Если я хотела увидеть ее, то на цыпочках прокрадывалась в кабинет и сворачивалась калачиком на диване рядом. Плотные занавеси закрывали окна, было темно; я не видела мамы, но могла почувствовать, как она играет с моими волосами. Я могла лежать рядом с ней часами, прислушиваясь к жужжанию вентилятора в углу и вдыхая запах ее пота.

Днем Делия уходила на работу, она управляла рестораном. Герберт же удалился от дел и целыми днями лежал на диване и смотрел телевизор, с утра, начиная с «Контрольной закупки», и до вечера. Беспокоить его мне не разрешалось. Как-то раз он свозил меня в «Кеймарт» и купил несколько книг, творческий набор для создания аппликаций, восковые мелки, бумажных кукол, новые роликовые коньки и скакалку, ожидая, что я сама себя буду развлекать.

Однажды вечером я сидела во дворе под сенью огромной пальмы и читала одну из новых книжек. В Калифорнии было безумно жарко, куда жарче, чем в Айдахо, так что все мои мысли вертелись около фруктового льда на палочке. Когда я уже собиралась уходить, синяя машина с двумя женщинами остановилась перед домом. Одна из женщин высунулась из пассажирского окна и несколько раз щелкнула кнопкой громоздкого черного фотоаппарата. Когда она закончила, машина рванула вперед, унося с собой и залиvistый смех женщин.

Я огляделась по сторонам – что же такое интересное фотографировала та женщина, – но не увидела ничего, достойного внимания. Не могла же она фотографировать меня? Я вернулась в дом и стала поглядывать из-за приоткрытой шторы в гостиную, не вернутся ли женщины.

Герберт ничего мне не сказал, когда я уселась рядом на диване. Его очки покоились на журнальном столике с футляром «под змеиную кожу» и открытым «Телегидом». Я попыталась снова погрузиться в книгу, но мне мешали аплодисменты и крики телевикторины. Отодвинув шторку, я вновь посмотрела

на улицу – там никого не было. Я взяла на кухне фруктовый лед, вышла на лужайку и села под дерево, сдирая с угощения липкую блестящую обертку и слизывая красные сахарные капли с пальцев.

Желтый кабриолет остановился напротив дома. Еще одна девушка высунулась из пассажирского окна и сделала несколько снимков. Она посмотрела на меня и засмеялась, затем сдавила педаль своего кабриолета и унеслась прочь; ветер развеивал ее светлые волосы, горящие, как языки пламени, в свете предзакатного солнца.

Рев машины затих где-то вдали, все смолкло, я уронила фруктовый лед на землю. Что увидела девушка? Почему она так смеялась? Я хотела побежать к маме, но она была в темной комнате.

– Герберт? – осторожно позвала я, когда зашла в дом. Тот махнул на меня рукой и что-то неразборчиво пробормотал. До ужина я просидела на заднем дворе с книжками внутри небольшого бассейна – в огромной бетонной яме без воды.

Несколько дней я боялась выходить на крыльцо и сидеть в тени любимой пальмы; мне не нравилось находиться на тесном заднем дворе, окруженном дурацкой мини-беседкой из бамбуковых стеблей с одной стороны, плетеной мебелью с другой и с бетонной дырой посреди двора. Когда чтение мне наскучивало или восковые мелки плавились от жары, я надевала роликовые коньки и каталась по серому дну бассейна. Однажды Герберт заметил меня за этим делом из кухонного окна и велел немедленно прекратить, не то «расшибусь».

Я знала, что Герберт хранит тайный запас бисквитных пирожных и фруктовых пирожков на кухне за хлебницей, так что я въехала на кухню и умыкнула пирожное. Рассекая на коньках по подъездной аллее перед домом, я наслаждалась мягким бисквитом и нежным ванильным кремом. И тут рядом со мной остановилась машина. Я знала, что произойдет. Мужчина вышел из автомобиля, нащелкал фоток и уехал.

В тот день Делия вернулась домой рано и застала меня на кухне, погруженную в книжку.

– Почему ты не на улице, куколка? – спросила она.

Я пожала плечами, не отрывая взгляда от страницы. Я не хотела говорить ей, что люди пялятся на меня, фотографируют и смеются.

Почти всегда на ужин Делия привозила еду из ресторана. Выгружала пенопластовые контейнеры из огромного коричневого бумажного пакета и ставила их на стол. В тот вечер я ела сэндвич «Рубен» и капустный салат «Коул-слоу», странную еду, которую мать никогда не готовила. Она так и не присоединилась к нам за ужином, так что я осталась с Делией и Гербертом, которые вели за столом скучные взрослые разговоры. За ужином я глядела в окно, наблюдая, не появятся ли еще странные машины. Не было ни одной.

После ужина Делия и Герберт развалились в плетеных креслах на заднем дворе с бокалами вина; мне разрешили посмотреть телевизор в гостиной. Так я и сидела на зеленом диване, немного просевшем из-за веса Герберта, и смотрела глупые ситкомы один за другим. Во время рекламы я пошла на кухню, чтобы налить стакан молока. По пути в гостиную, потягивая молоко из стакана, я заметила за окном мужчину. Он был огромным, стоял, прижавшись к оконному стеклу почти вплотную. Увидев меня, он молнией бросился к машине и уехал.

Дрожащими руками я поставила стакан на журнальный столик, нечаянно пролив молоко на Гербертов «Телегид», и убежала в спальню. В постели, накрывшись одеялом с головой, я спрашивала себя: «Кто все эти люди? Почему они смотрят на меня?»

Еще до того, как мы переехали на Харпер-лейн, я боялась, что со мной что-то не так. Во время семейных застолий кузены и кузины смеялись надо мной и обзывали хрюшей, пока на них не начинали шикать матери. В первом классе на занятиях у миссис Палмер две девочки, которые сидели рядом, Мелисса Х. и Мелисса Д., сказали, что не позовут меня на свою вечеринку по случаю Хэллоуина, потому что у меня «жировши» и я могу заразить ими гостей. Когда я спросила маму, кто такие эти «жировши», она сказала не обращать на девчонок внимания.

Я не знала, что видели другие люди, когда смотрели на меня. Я глядела на себя в зеркало, но все равно не могла понять. В доме Делии все стало только хуже. Люди фотографировали меня, и я не знала, почему. Днем я пряталась в спальне и наблюдала за ними через крохотную щелочку между занавесками. Однажды,

когда я на кухне делала себе сэндвич с арахисовым маслом и джемом, две девушки перелезли через забор во двор. Я испугалась, выронила нож и закричала. Герберт услышал меня, вылетел во двор и прогнал девчонок.

– Чертовы туристы! – заорал он на них. Я в ужасе смотрела на улицу. Герберт вернулся в дом, погладил меня по голове и проворчал: – Не обращай внимания, малышка.

«Не обращать внимания». Моя мама говорила то же самое.

Я старалась держаться подальше от окон, чтобы никто меня не видел. Целыми днями я просиживала на полу в гостиной, завернувшись в одеяло, спасаясь от холода кондиционера, и смотрела вместе с Гербертом его дурацкие передачи. Однажды, когда моя мать покинула темную комнату, чтобы пойти на кухню, она сказала, что я слишком много времени провожу в доме.

– Не она одна, – пробормотал себе под нос Герберт, но я его слышала.

Как-то раз Делия и Герберт взяли меня с собой в «Сирс» и купили велосипед с фиолетовыми ленточками, которые свисали с руля. Я понимала, они хотели, чтобы я больше времени проводила на свежем воздухе, катаясь туда-сюда по улице. В первый день мне был отмерен всего час счастливой езды на новом велосипеде, пока мужчина и женщина в серебристом фургоне не остановились перед домом.

– Привет, Дюймова-а-чка, – протянул мужчина странным голосом.

Я бросилась в дом, вся в слезах.

– Что случилось, горошинка? – спросила Делия, поглаживая меня по спине, ее идеально наманикюренные ногти покрывал слой ярко-розового лака. – Ты упала с велосипеда?

– Люди смотрят на меня.

– Какие люди?

– Люди в машинах. Они останавливаются перед домом и фотографируют меня.

Делия засмеялась, прикрыв рот рукой, ее блестящие розовые ногти скрывали широкую улыбку.

– Они фотографируют не тебя, куколка. Они фотографируют дом. Здесь жила знаменитая дама. Боюсь, я так долго прожила в этом доме, что больше не замечаю этих сумасшедших людей.

Делия рассказала мне о Мирне Джейд, звезде немого кино двадцатых годов. Сказала, что знать не знала о Мирне, когда покупала дом.

– Дом был та еще развалюха, держался на честном слове. Никогда бы не подумала, что раньше здесь жила кинозвезда.

Мирна Джейд была забыта массами, фильмы с ней нигде не показывали, пока знаменитый историк в семидесятых не написала о ней книгу, которую в восьмидесятые превратили в успешный байопик.

– Тогда-то и началось это «Мирна-безумие», – протянула Делия. – Теперь мой дом во всех «звездных турах», люди приезжают сюда в любое время дня и ночи. Европейцы в основном. Я понимаю, что они напугали тебя, куколка. Но я ничего не могу с этим поделать, поверь. Просто не обращай на них внимания.

Я не поверила Делии. Я была уверена, кинозвезды живут в замках, а не в маленьких каменных домах. Хотела ли Делия просто ободрить меня? Я вернулась в свою комнату. Когда пришло время ложиться спать, надела пижаму и осмелилась-таки отдернуть занавески на окнах. Вспышка. Щелк! Потом еще две. Щелк! Щелк! Кометы в ночном небе.

* * *

Женщины до меня были черно-белыми. Моя бабушка, мама моей мамы, которая умерла еще до моего рождения; я видела ее только на фотографиях. На моей любимой она совсем еще юная, стоит рядом с сестрой на набережной в Атлантик-Сити; они держатся за руки и улыбаются в объектив камеры. Мне нравится думать, что так они смотрели на нас, словно объектив был волшебным

зеркалом, позволяющим взглянуть в будущее, хотя тогда бабушка не могла даже представить себе дочь и внуку. Волосы бабушки подстрижены и уложены в стиле двадцатых, на них с сестрой одинаковые платья в горошек, обе они кругленькие, пухленькие. Даже будучи маленькой девочкой, я видела себя в них. Я знала, что мы связаны, будто нить жемчужных бус, тянущаяся далеко из прошлого.

Когда мама была маленькой, она тоже была черно-белой, но не такой круглой, как бабушка и ее сестра. В день, когда я родилась, она взглянула на меня и поняла, что будет звать иным именем, чем то, которое впишет в свидетельство о рождении.

– У тебя были темные волосы, – рассказывала она мне, – такие длинные, что я могла обернуть ими палец. И такая нежная розовая кожа. И щечки, пухленькие и румяные. Ты была такая милая и сладенькая, как ягодка. Моя маленькая сливка[3 - Игра слов. Plum – «слива» по-английски.].

Горошины, жемчуг, ягоды, сливы – круглые формы были моими с самого рождения.

Каждый первый день в новом учебном году, когда учителя зачитывали список учеников и доходили до моего имени – Алисия Кеттл, – мне приходилось говорить им, что меня зовут Плам.

Плам. Жир. Жируха.

Алисия – я, но не я.

В гостях у Делии мы пробыли пять месяцев, затем переехали в собственную квартиру. Мои родители развелись, отец остался в Айдахо. Мама на свою зарплату секретарши на кафедре биологии в университете могла позволить лишь небольшую квартирку с темными деревянными панелями, которые всасывали в себя тепло солнечных лучей, и богомерзким ковролином тошнотворного оранжевого цвета. Мы жили в квартире несколько лет, пока Герберт не скончался от инсульта. Делия была так несчастна одна, что умоляла нас вернуться в дом с гляделами, кинопаломниками, фотографами.

Мама сказала, школа возле дома куда лучше моей, но на самом деле ей просто не терпелось сбежать из жилого комплекса с грязными подгузниками, плавающими в бассейне. Она все решила без меня, и мы поехали.

В доме на Харпер-лейн мы находились под постоянным наблюдением. Поглощая за завтраком овсянку, я отрывала взгляд от миски, чтобы увидеть за окном очередного фотографа, который улепетывал, как испуганная мышь, стоило моей тапочке врезаться в стекло. Занавески в спальне были постоянно задернуты, но я знала – люди там, за тонкой тканью, ждут, смотрят. Делии и моей маме, похоже, было наплевать на незнакомцев с их вечно щелкающими фотоаппаратами. Делия и мама могли уйти из дома, сбежать ненадолго, для них кинопаломники были лишь временным неудобством. Я думала, хуже уже быть не может.

Как же я ошибалась. В школе мне негде было спрятаться. Я была окружена. Людей было так много, что я никогда не знала наверняка, кто именно смеется, кто именно пялится. Все, о чем я мечтала, – скрыться ото всех, закрыть свои лепестки подобно цветку с наступлением темноты.

Я никому не рассказывала о том, как проходили дни в школе. Приглаживая прическу, я могла почувствовать чьи-то слюни в волосах или обнаружить листок со словами: «БУДЬ ДОБР, ЧПОКНИ МЕНЯ!», приклеенный к моей спине. В первый год в старшей школе, после того, как одна из старшеклассниц стала жертвой насильника на пустыре позади заправки, ввели занятия по самообороне для девушек. Когда я пришла на урок, две девушки захихикали и громким шепотом, так, чтобы услышали все, сказали: «Кому в голову придет насиловать ее?!»

Во время одного из нечастых звонков отцу в Айдахо я спросила: «Папочка, как ты думаешь, я красивая?» Я знала, что он ответит «да», потому что он был моим отцом.

В девятом классе один парень пригласил меня на танцы. К парням я относилась с подозрением, на то были причины, поскольку они обращали на меня внимание только для того, чтобы отпустить пошлые шуточки. Но мама настояла, чтобы я пошла на танцы. Она высадила меня возле школьного спортзала; я прождала парня на стоянке больше часа, длинный рукодельный газовый шлейф сиреневого платья пропитался моторным маслом, утопая в лужицах на дороге. Парень так и не пришел. И не собирался приходить. Они все знали это. Они видели.

Если бы я была худой, они бы не пялились. Они бы не делали мне гадостей.

* * *

Сидя за привычным столиком в кофейне с включенным ноутбуком, я все равно не могла сосредоточиться на работе. Книга Верены Баптист покоилась на пустом стуле рядом; накануне я прочла несколько глав. Печатая что-то на ноутбуке, я периодически косилась на нее. «Приключения в Диетлэнде». Обычно я не читала подобные книги, но тогда меня обуревало желание вернуться домой и поскорее зарыться в книжку. Я до сих пор не понимала, почему девушка оставила книгу мне и что она делала в Остен-тауэр. Казалось совершенно невозможным, что такая девушка может быть частью гламурного мира Китти, и все же она была там, в сверкающей башне. С той нашей встречи я больше незнакомку не видела. Возможно, ее маленькая игра была закончена.

С той самой секунды, как я увидела имя Верены Баптист на обложке, сознание то и дело возвращало меня в дом на Харпер-лейн. Девушка ничего не могла знать о моем прошлом или о том, что я была «баптисткой», но благодаря ей я не могла перестать думать о том времени, когда сама была в возрасте «девочек Китти». Я отодвинула ноутбук в сторону, взяла книгу и вновь погрузилась в нее. Я не была рада воспоминаниям, но они меня не спрашивали.

«Баптисткой» я стала, когда училась в десятом классе. Весной. Я болела и три дня провалялась дома, ничего не делая, только поглощая телевизионные передачи. Персонажи, населявшие дневное телевидение, были мне незнакомы. Как и улыбающиеся люди, рекламирующие кучу всяких товаров, о существовании которых я даже не подозревала. Я никогда раньше не слышала о Юлайле Баптист. Как и о ее программе снижения веса. Пока не увидела Юлайлу в серии красочных рекламных роликов.

В начале каждого экран заполняла старая фотография Юлайлы – большущая женщина в выцветших джинсах чудовищного размера, которая закрывала лицо руками, словно пытаясь защититься от вездесущего объектива фотоаппарата. Голос за кадром вещал: «Это я, Юлайла Баптист. Я была настолько толстой, что даже не могла играть со своей дочерью». Затем на фоне запели грустные скрипки, достигая крещендо тогда, когда тоненькая, как тростинка, Юлайла

прорывалась сквозь фотографию, разрывая ее в клочья. Она стояла на фоне того, что осталось от фотографии, в победной позе, воздев руки к небесам.

Следующий кадр переносил нас на залитую солнечным светом кухню Юлайлы, где она сидела за столом, накрытым скатертью в красно-белую клетку, и, улыбаясь зрителям, сообщала:

– Следуя пути «баптистов», вам больше не придется морить себя голодом. На завтрак и обед для вас приготовлены нежнейшие коктейли со вкусом настоящих персиков из Джорджии. На ужин вы можете выбрать все, что душа пожелает, из огромного меню. Прямо сейчас я наслаждаюсь цыпленком и клецками.

Юлайла со своим бессменным золотым крестиком на тонкой шее и не менее золотистыми волосами, уложенными во французский узел, отложила вилку и посмотрела прямо в камеру, которая приблизилась к ее лицу:

– Питаясь по «Программе баптистов», вам больше не нужно будет ходить за продуктами и готовить. Программа предоставляет все необходимое, кроме силы воли. Этот секретный ингредиент вы должны будете добавить в блюдо сами!

Каждые двадцать минут эта женщина появлялась на экране, прорываясь через свои гигантские джинсы. Ее сопровождали и другие «фоторазрывательницы». Например, Роза, двадцать три года: «Если бы мне пришлось выглядеть как корова в подвенечном наряде, я бы осталась старой девой». Плачущие скрипки – и «Та-дам!». Фото разрывается, Роза становится худышкой. Марси, пятьдесят семь лет: «Муж хотел отправиться в океанский круиз, но я сказала: «Нет уж, дорогой мой! Эти ноги ни за что не влезут в шорты!» Плачущие скрипки. Та-дам! Марси стала худышкой. Синтия, сорок один: «После того как муж погиб в авиакатастрофе DC-10 в Чикаго, в день я съедала по крайней мере десять тысяч калорий. Если бы Родни был жив, он бы стыдился меня». Плачущие скрипки. Та-дам! Синтия стала худышкой.

Часами я сидела перед телевизором, словно загипнотизированная, ожидая рекламы. Я откопала свой прошлогодний школьный альбом и нашла фотографию себя на странице сорок два: «Алисия Кеттл работает над своим научным проектом в библиотеке». Я представила себе это фото в телевизоре – я в бессменном черном платье, с толстыми ногами и вторым подбородком. Та-дам! Я уничтожаю эту толстуху. Алисия становится худышкой.

Я записала бесплатный номер, твердо решив вступить в ряды «баптисток», хотя прекрасно знала, что мама этого не одобрит. Во всех вопросах она придерживалась философии: «Играй картами, которые тебе выпали!», будь то рост, вес или цвет волос. «Ты прекрасна такой, какая ты есть!» – всегда говорила мне она; я знала, она верит в это. Однажды, когда мы в очередной раз ругались из-за диеты, она сказала: «У тебя бабушкина фигура!», что означало: «У тебя бабушкина фигура, и ты ничего не можешь с этим поделать!»

Сколько бы я ни умоляла, она никогда не позволяла садиться на диету. Мать моей подруги Николетты была участницей «Худого дозора», и я втайне попросила ее скопировать их материалы для меня. Я пыталась следовать диете самостоятельно, но не знала, сколько калорий было в блюдах, которые Делия приносила домой из ресторана, будь то лазанья или цыпленок. Слишком много ингредиентов для подсчета. Я стала есть меньшие порции и иногда пропускала обед в школе, но мне не нравилось быть голодной. В школе были девочки, которые морили себя голодом, я не знала, как они это делают, и завидовала им. Когда когти голода терзали мой желудок, я не могла ни на чем сосредоточиться. А когда я не могла ни на чем сосредоточиться, мои оценки в школе непременно ухудшались.

«Следуя пути «баптистов», вам больше не придется морить себя голодом!» – улыбаясь, говорила в рекламе Юлайла. Эти слова притягивали меня, как магнит. Правда, я не знала, как заплатить бы за «Программу баптистов», но я бы что-нибудь придумала. Я пребывала в эйфории от тайного плана. В последний день десятого класса мы с мамой пошли в ресторан. Когда вернулись, то застали у дома очередного кинопаломника на коленях, отдающего дань уважения Мирне Джейд. Завидев меня, он щелкнул фотоаппаратом. «Красо-о-отка!» – протянул он. Никто, кроме моих родителей и Делии, никогда не называл меня красивой. Я воспрянула духом. С тех пор как я решила стать «баптисткой», во мне произошли изменения. Сама мысль об этом делала меня в душе легче на несколько килограммов.

Мне было все равно, что в тот вечер я не пошла на танцы в честь окончания учебного года. Мне не нужны были танцы и парни. Приближались летние каникулы, за ними – мой последний год в школе, после которого я решила уехать учиться в колледж в Вермонте. А благодаря «Программе баптистов» я бы похудела к первому учебному году. Никто там и не узнал бы о существовании жирухи Плам. Я бы даже перестала называть себя Плам. Я бы представлялась своим настоящим именем, Алисией.

Если бы кто спросил Плам, я бы ответила: «Что за Плам? Нет такой!»

Та-дам!

* * *

После школы я не встречалась с подружками, не посещала кружки или секции. Я сидела дома и делала домашнюю работу. Я всегда усердно училась, хотя никто не заставлял меня. Во второй половине дня, одна в доме на Харпер-лейн, я сидела за обеденным столом на кухне в свете настольной лампы и зубрила. Занавески на кухне были наглухо задернуты. Иногда люди стучали в дверь или бросали камни в окна, дергали дверные ручки. Я слышала их гоготание и смех. Я не обращала внимания. Старалась быть невидимкой.

Когда моя мать возвращалась домой с работы, она раздвигала шторы, впуская солнечный свет.

– Какая чудесная погода! Почему бы тебе не прогуляться? – улыбаясь, говорила она, но я сбегала в полумрак своей комнаты. Однажды Делия предложила отправиться с ней в ресторан после обеда. Сказала, домашнюю работу можно сделать и там. Держу пари, идея исходила от мамы, как бы непосредственно ни старалась звучать Делия.

Ресторан практически пустовал в часы между обедом и ужином. Мы с Делией сидели на красном диванчике из искусственной кожи в углу – Делия, погруженная в свои документы, и я, корпящая над задачкой по геометрии или читающая толстенные тома русских классиков для углубленных занятий по литературе. Иногда Николетта присоединялась ко мне, и мы вместе делали химию или французский.

Уж две недели как я приезжала с Делией в ресторан каждый рабочий день, когда меня вдруг осенило. Я подумывала о том, как буду платить за «Программу баптистов». И ресторан стал для меня словно подарком небес. Я стала ходить на кухню и смотреть, как шеф-повар Эльза готовит, проявлять интерес к делу, задавать вопросы. Как я и надеялась, она разрешила мне помогать ей, научила меня рубить, шинковать и тушить. Когда я попросила Делию взять меня помощницей на кухню, та согласилась. Два часа в день я работала в ресторане

под звуки оперы, льющиеся из старого радиоприемника на кухне.

После месяца работы, когда лето было уже не за горами, я накопила достаточно денег, чтобы стать «баптисткой». Когда я рассказала об этом маме, мы поссорились. «Это слишком!» – отрезала она. За закрытыми дверями я слышала, как они с Делией обсуждают это.

– Будь благоразумна, Констанция, – убеждала маму Делия. – Ей приходится нелегко.

Я бы стала «баптисткой» и без маминого «благословения». Мне было семнадцать, и она не могла меня остановить.

По иронии судьбы филиал клиники «баптистов» находился недалеко от ресторана Делии, окна здания были затянуты плотными белыми шторами, чтобы никто не мог видеть, что происходит внутри. По пути я прошла мимо двух «клубов здоровья» (читай – платных центров снижения веса) – здания «Нутрисистем» и последователей Дженни Крейг, – но на это мне было плевать. «Программа баптистов» подходила мне идеально. В первый день летних каникул, с деньгами, которые я заработала в ресторане, в моем бумажнике, я распахнула двери в «церковь баптистов», где меня встретила фотография Юлайлы Баптист в натуральную величину. В реале выцветшие джинсы казались еще более гигантскими. Когда я открыла дверь, раздался звон колокольчиков, возвещающий о начале моей новой жизни.

Вместе с другими неофитами меня привели в затемненную комнату, где нам показали «Второе рождение» – документальный фильм о Юлайле. Там были кадры хроники: Юлайла получает белоснежную ленту «Мисс Джорджия 1966», выход Юлайлы на конкурсе «Мисс Америка». После того как она вышла замуж и родила ребенка, она набрала много веса, который не могла сбросить. Она опробовала каждую существующую тогда диету, едва не довела себя до нервной анорексии, но ничего не получалось. К пятому дню рождения дочери она весила больше, чем когда-либо. Бывшая королева красоты впала в депрессию, стала подумывать о суициде, умоляла мужа оплатить операцию по ушиванию желудка, но тот отказался. Их соседка умерла после подобной операции, он не позволил бы Юлайле рисковать жизнью.

Аллен Баптист, основатель процветающей евангельской церкви в пригороде Атланты, которую ему не разрешили назвать баптистской по понятным причинам, был предан своей жене и отчаянно пытался помочь ей. Он пригласил двоюродную сестру переехать к ним, чтобы готовить для Юлайлы и следить, чтобы та не ела лишнего. Аллен решил, что нужно полностью оградить Юлайлу от мира еды. Его сестра готовила все блюда для Юлайлы, поэтому самой Юлайле не нужно было ходить в магазин за продуктами. Также он осмелился на радикальный шаг – повесил замок на холодильник. Аллен держал Юлайлу подальше от ресторанов; она перестала общаться с подругами, ходить в гости и даже посещать церковь. По округе поползли слухи, что Юлайла умерла.

После девяти месяцев (читай – кругов) Ада, когда весь рацион Юлайлы состоял из яиц, отварного мяса и творога с консервированными персиками (без сахарного сиропа!), она сбросила пятьдесят два килограмма, которые мешали ей жить, что позволило ей, по ее словам, «родиться заново». Именно тогда она почувствовала в себе призвание помочь другим преодолеть свою тягу к еде и открыть себя новых, как сделала она[4 - «В течение года мама снова набрала весь вес, который потеряла. Так как она вложила почти все деньги семьи в «Программу баптистов», папа предвидел катастрофу и согласился, что маме необходима гастропликация. Это был единственный выход. После операции у мамы развилось жуткое недержание кала, ей пришлось до конца своих дней носить подгузники». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 1. Рождение Верены, становление империи. Стр. 27.)].

При неохотной поддержке мужа Юлайла задумала открыть диетическую клинику, которая предоставит клиентам низкокалорийные коктейли, замороженные обеды и специальную программу упражнений. «Баптисты» не ходят за продуктами и не готовят; «баптисты» вообще не думают о еде, за исключением тех случаев, когда пришло время выпить коктейль или разогреть обед!» – такими словами начиналась первая брошюра. Первый центр по снижению веса, «Клиника баптистов», открылся в Атланте в 1978 году. К концу девяностых, когда к ним готова была присоединиться и я, во всем мире насчитывалось более тысячи филиалов.

Когда фильм закончился, комната наполнилась светом. Незнакомые женщины сидели, оглядываясь друг на дружку, и ожидали начала инструктажа под плач скрипок и звуки разрываемых фотографий из рекламных роликов, которые крутились на повторе на экране[5 - «Баптисты» первыми начали использовать технику «разрывания фото» в своих рекламных роликах. См.: Дж. Лукас,

«Разорвать в клочья: эволюция промороликов в сфере программ по снижению веса», Adweek, 9 июня, 1986. См. также: Уилан Х., Бернс М. «Программа баптистов»: фотографии «до» и «после» // «Женская психология» № 2 (1993), 42–65». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 1. Рождение Верены, становление империи. Стр. 54.)). Многие из пришедших на инструктаж женщин были довольно худыми, я не понимала, что они вообще там делали. Но они улыбались мне и были дружелюбны, как будто они были такие же, как я[6 - Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (24 октября, 1982): «Люди, которые только думают, что они толстые, для нас – огромный рынок. Толстый, худой... Все это ничего не значащие отличия, за исключением некоторых крайностей. Кого считать худым? Кого толстым? Какая, в сущности, разница?». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 329.))].

Грустные скрипки прекратили печальный мотив, и появилась Глэдис, руководительница нашей группы, – чернокожая женщина с начесом в стиле шестидесятых. Она носила шлепанцы, которые хлюпали при каждом шаге. Лучезарно улыбаясь, она раздала каждой из нас по увесистой папке с файлами, «Настольную книгу баптиста» и ламинированные карточки с «Клятвой баптиста», которые мы должны были вложить в бумажники и повесить на холодильник. Клятва гласила:

Баптисты относятся к своему телу, как к храму. Баптисты живут по трем основным заповедям. Заповедь первая: да не загрязню я храм свой жирной и нездоровой пищей. Заповедь вторая: каждый день я буду заниматься спортом, чтобы помочь телу обрести чистоту. Заповедь третья: я расскажу о заветах баптистов тем, кто нуждается в помощи.

© Программа снижения веса баптистов, Inc.

Я собрала все брошюры, открытки и карточки и поместила их в новую блестящую папку «баптистки», невероятно взволнованная тем, что стала частью семьи Юлайлы. Она так и называла нас – семья.

Когда собрание уже шло полным ходом, какая-то женщина ворвалась в зал и, извинившись за опоздание, заняла место рядом со мной в последнем ряду.

Джанин была высокой, но тучной, с мелкими светлыми кудрями, и внешний вид ее шокировал всех нас так, будто она предстала перед нами обнаженной. На ней было яркое платье с узором из крупных цветов, розовые колготки и желтые туфли-лодочки с красным бантиком, как у Минни Маус. Среди других неофиток, облаченных в безразмерные балахоны всех оттенков серого, она была как сияющее солнышко, совершенно неуместное на пасмурном небе. Да и смотреть на Джанин было все равно что смотреть на солнце. Я желала бы, чтобы она не садилась рядом со мной: вместе мы были похожи на двух Шалтаев-Болтаев, готовых вот-вот свалиться со стены. Одним из заданий на собрании было рассказать соседке о себе и о своих страхах и проблемах, связанных с лишним весом; Джанин говорила со мной так, будто мы были близняшками. Она даже пригласила меня выпить кофе после собрания, но я сказала, что занята. У меня никогда не было толстой подруги, я не хотела толстую подругу. Я стояла на пороге новой жизни.

Во время собрания Джанин то и дело перебивала Глэдис и вставляла что-то типа: «В моей семье все толстые. Мы считаем, что всякие диеты – это пустая трата времени». Глэдис передергивало от каждого слова Джанин, она постоянно поправляла ее. «Баптистки» не говорят «толстый», только «полный» или «с избыточным весом». Мы также не произносили это страшное слово «диета», вместо него использовали такие термины, как «программа», «план» или «здоровое питание».

Ближе к концу собрания Глэдис вручила каждой из нас по блокноту с фотографией двух худеньких девиц, гуляющих по торговому центру с яркими пакетами в руках, и надписью «Когда я похудею, я...™» на обложке. Глэдис сказала, что мы должны будем писать в них каждую неделю. Внутри, в верхней части первой страницы, также была надпись «Когда я похудею, я...™», под ней – пять пустых «облачек» для заполнения с предлагаемыми темами: мода, карьера, любовь и т. п. Глэдис попросила нас закрыть глаза и представить себя стройными. Она сказала нам записать в блокнот пять занятий, которые наши «натуры с избыточным весом» не могут воплотить в жизнь.

Все неофитки, включая меня, тут же принялись что-то писать. Все, кроме Джанин. Она словно обалдела.

– Это шутка такая, да? – выплюнула она, пролистывая блокнот. Щеки Джанин пылали, ноздри раздувались от ярости. – Я пришла сюда сбросить килограмм-другой из-за болей в пояснице. Что это еще за гребаная, себяненавистническая

мозгоебка?

– Следите за своим языком, – ровным голосом сказала Глэдис. – Баптистки не используют грубую лексику.

Джанин яростно сверкнула глазами из-под своих украшенных стразами очков с вытянутыми внешними уголками.

– Да вы, по ходу, серьезно, – выпалила она озлобленно и запульнула блокнотом «Когда я похудею, я...™» в Глэдис; та отшатнулась и прикрыла лицо руками. Джанин ушла, не позабыв громко хлопнуть дверью на прощание. После ее ухода зал еще некоторое время окутывала тишина: все мы сидели, вновь и вновь прокручивая в голове слова и действия этой горластой, обозленной, не приветливой, огромной женщины. Женщины, которой никто из нас не хотел быть.

Когда подошла моя очередь индивидуальной консультации у Глэдис, она несколько раз извинилась за «неприятный инцидент».

– То, что мы делаем в клинике, – нечто совершенно новое, меняющее жизнь, – промурлыкала она. – Мы заботимся о наших телах. Люди, как та женщина, еще не готовы этого понять. Они боятся изменений. Они как алкоголики или наркоманы, полностью отрицающие свою зависимость. Держу пари, долго та женщина на этом свете не протянет.

Глэдис, казалось, смаковала саму мысль о смерти таких, как Джанин. Глэдис показала мне тренажерный зал, где в тот день проходили занятия по аэробике: полные женщины, словно марионетки, скакали под указку некой дамы в скромном гимнастическом трико. На полу, я заметила, лежали розовые гантели с логотипом «баптисток». В тишине и уединении кабинета Глэдис щелкнула полароидом и сказала мне вставить получившийся снимок в папку и приносить его в клинику каждую неделю. Это была моя фотография «до». Затем она взвесила меня и, используя компьютерную программу, которую разработал специально для клиники брат Юлайлы, ученый-компьютерщик, подсчитала, что мне нужно сбросить сорок семь килограммов с хвостиком и что по «Программе баптисток» это займет всего девять месяцев.

– Через девять месяцев ты станешь соблазнительной красоткой! – подмигнула мне Глэдис, что-то печатая; ее серебряный браслет с подвесками негромко позвякивал на руке.

По словам Глэдис все казалось таким легким и простым, что мне хотелось обнять ее. Я стану худышкой через девять месяцев. Программы не лгут. Домой я шла в приподнятом настроении, нагруженная двумя огромными пакетами – недельный запас коктейлей и замороженных обедов – и воодушевленная речами Глэдис.

Дома мама невозмутимо наблюдала, как я распаковываю еду «баптисток». За все время на ее лице не дрогнул ни один мускул. Шесть коробок с коктейлями и тьма розоватых контейнеров с замороженными обедами заполнили всю морозильную камеру и почти весь холодильник. Также еще нужно было куда-то деть пакет «Баптистских биодобавок».

– А это зачем? – спросила мама, изучая таблетки цвета речной гальки.

– Глэдис сказала, я должна принимать по одной каждый день. Она была настойчива[7 - «Некоторые «баптистки» утверждали, что в результате диеты у них развилось заболевание почек, но в суде это так и не было доказано. Мама угрожала обвинителям подать ответный иск за клевету, но так этого и не сделала. Под присягой она не смогла бы отрицать, что из-за некоторых баптистских «продуктов» у соблюдающих диету появлялся постоянный неприятный запах изо рта и выпадали волосы». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 2. «Программа баптистов»: обратить в веру удастся не всех. Стр. 138.)].

На завтрак и полдник я выпивала по пенообразному персиковому коктейлю из банки. На обед я разогревала назначенную мне еду в микроволновке, откидывала серебристую пленку и обнаруживала что-то типа тушеной говядины: пара кусков мяса, плавающие с обесцвеченным горошком в дымящейся ванне коричневого соуса, или пасты: фрикадельки из индейки, словно Сатурн, окруженные красными кольцами макарон. Порции были микроскопическими, ложка или две, вкус у еды был странным, ненастоящим; вполне возможно, что «еда» эта наполовину состояла из бумаги и пенопласта, но мне было все равно, поскольку она вела меня к худобе[8 - «Личная помощница мамы, [имя зачищено], шантажировала ее летом 1990 года. Она записала телефонный разговор между ней и мамой, где мама призналась, что «баптистская» еда «на вкус как помои» и что «она ни за какие деньги не согласилась бы есть эту гадость». (Баптист,

Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 2. «Программа баптистов»: обратить в веру удастся не всех. Стр. 141.)).

Первую неделю на «Программе баптисток» я продержалась неплохо: меня переполняли энергия и мотивация. Как и когда-то Юлайле, нам советовали (в приказном порядке!) избегать всех жующих людей, этих недисциплинированных дикарей с ножами и вилками; но, учитывая мою работу в ресторане, для меня это было невозможно. Впрочем, это не имело значения. Я возвысилась над карикатурным миром чревоугодия. Меня тошнило от одного вида жующих людей.

Перед сменой в ресторане я наведывалась в клинику для занятий аэробикой. На работе, несмотря на свои формы, я двигалась со скоростью ракеты. Как-то раз я нашинковала двадцать пять луковиц в рекордное время, заставляя шефа Эльзу дивиться моей скорости. Нарезанные болгарский перец, сельдерей и чеснок разноцветными башенками высились на моих разделочных досках. Справляясь так, я могла бы завершить смену и раньше, но попросила дополнительных заданий, вроде расстановки баночек со специями в алфавитном порядке.

Однажды вечером, когда я возвращалась домой с работы, я застала в нашем дворе компанию итальянских кинопаломников: при свете свечей они смеялись и пели песни под гитару. Я раздвинула шторы в спальне, чтобы послушать, как они поют. Они помахали мне и улыбнулись; мне было все равно, что они смотрят на меня. Ничто не могло испортить мне настроение. Мое стройное «я» было заключено в тюрьме моего тела, но скоро его ждало освобождение от такого длительного срока.

К концу недели я сбросила почти пять килограммов. Глэдис и другие женщины охали и ахали вокруг меня, любуясь уменьшающейся фигурой[9 - «Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (1 августа, 1980): «Диета, рассчитанная на медленное и стабильное снижение веса, не привлечет новых клиентов, Юлайла! Сколько раз я должна это повторять? Люди хотят незамедлительных результатов, и режим в 850 калорий в день даст им именно это. Баптистки потеряют значительное количество веса в первые несколько недель (sic!) и станут зависимы от этого количества, привыкнут к нему. Когда количество сброшенных килограммов будет уменьшаться, они будут винить в этом только себя. Поверь мне. Это безотказная стратегия. Я ведь работала на [имя зачищено] пять лет, помнишь? Поэтому ты и наняла меня!». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка

сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 332.)].

«Через девять месяцев ты станешь соблазнительной красоткой!»

Как и с большинством моих взлетов, падение было не за горами. К концу второй недели я сорвалась. Будь я в школе, ничего бы не случилось. В тот день я пропустила аэробику в клинике, но все же заставила себя выйти из дома и пойти на работу в ресторан – надо же было чем-то платить за «Программу баптистов». Но на кухне я то и дело застывала на месте, уставившись в одну точку. «Тебе плохо?» – спросила меня шеф Эльза. Ведь всего за неделю до этого я бегала и кружилась, как жужжащий заводной волчок, а теперь остановилась, безмолвная и недвижимая.

Я позвонила Глэдис.

– Что со мной? – тихо прошептала я в трубку, слишком слабая, чтобы говорить.

– Сахар в твоей крови упал. Это как с наркозависимостью, изюминка. Яд покидает твое тело.

– Но я так хочу есть.

– Я знаю, сахарок, – промурлыкала Глэдис.

Изюминка, сахарок. Слова Глэдис звучали совсем не ободряюще.

Я все ждала, когда это ужасное чувство голода исчезнет, но оно не проходило. Ночью мне снились шоколадные эклеры. Голодные муки разбудили меня, все мое тело вибрировало, как огромный чугунный колокол, по которому ударили. Я хваталась руками за голову, зажимала уши, каталась туда-сюда в постели, надеясь, что все утихнет. Голод пожирал меня изнутри.

Между приемами пищи я справлялась с голодом, обмакивая листья зеленого салата в горчицу (совет от Глэдис) – закуска с практически нулевой калорийностью, все равно что есть воздух. Тем не менее, я хотя бы что-то жевала и глотала. Глэдис также советовала делать упражнение «Джек-попрыгунчик» всякий раз, когда я почувствую голод (даже в общественных

местах), пить воду литрами и делать записи в блокноте:

1. После приема пищи я чувствую себя: сытой, до некоторой степени сытой, голодной, очень голодной: очень голодной

2. Мое настроение сейчас: хорошее, нейтральное, плохое, отвратительное: хорошее

3. Сегодня я думаю о еде: только во время приема пищи, иногда, постоянно: постоянно

Я едва не потеряла сознание от голода. Как-то раз на кухне ресторана я резала болгарский перец. Два, три, четыре кусочка на моей разделочной доске. Их становилось больше. Дрожащими руками я отложила нож. Меня качнуло назад. Я задела рукой сковороду. Она опрокинулась, разливая шипящее масло на пол; гребешки разлетелись по всему полу. Эльза забеспокоилась и стала настаивать на том, чтобы я пошла домой. Но я вернулась к перцам и резала, резала, резала, а руки дрожали[10 - «Докладная записка: [Имя зачищено] от старшего вице-президента [имя зачищено], копия Юлайле Баптист (3 февраля, 1982): «Имей в виду, [имя зачищено], засудить нас не могут! (Несмотря на ту даму из Тусона и ее заявления.) 850 калорий в день достаточно для поддержания организма. Плевать на статистику Всемирной организации здравоохранения. Есть большая разница между голодающим африканцем и толстым американцем. Кроме того, наша литература говорит, что это 1200 калорий в день, что совершенно безопасно». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 333.)].

Я мечтала забить желудок едой, что окружала меня на кухне ресторана, но мое сознание умоляло мое голодное «я» быть разумным и не срываться. У мамы Николетты, помешанной на философии «Худого дозора» и анорексички на грани, была наклейка на бампере машины с надписью: «Ни один десерт не сравнится со сладким вкусом того, что ты – худышка!» Увы, я никогда не знала этого сладкого ощущения. «Но если я буду есть только еду из розовых лоточков и разрешенные закуски, через девять месяцев я узнаю, каково это – быть худышкой!» – неустанно повторяла я себе. Тот факт, что моим мучениям придет конец, что я знала дату моего условно-досрочного освобождения, поддерживал меня, помогал жить. Раз или два я думала о том, чтобы спрыгнуть с крыши ресторана,

но я отгоняла от себя такие мысли.

Вернувшись после работы в дом на Харпер-лейн, я быстро проглотила крошечный безвкусный ужин и забралась в кровать; бодрствование было подобно мучительнейшим пыткам. Утром мне тоже не удалось расслабиться под струями теплой воды в душе: я обнаружила, что слив всего за несколько секунд забился комками темных мокрых волос – моих волос.

– Ты, должно быть, была очень хорошей баптисткой на этой неделе! – ахнула Глэдис, когда в очередной раз взвешивала меня в клинике[11 - «Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (12 ноября, 1985): «Невозможно переоценить важность использования понятий нравственности и морали, когда мы говорим о нашей диете с клиентами или представителями средств массовой информации. Само только название «баптистов» должно внушать доверие и покорность. Когда «баптистка» теряет вес, она «хорошая баптистка», когда отклоняется от программы – «плохая». «Ну, Розмари, как ты вела себя на этой неделе – хорошо или плохо?» Такой язык должен быть реализован во всех клиниках незамедлительно». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 337. N.B. См. также: Монтроуз Д. «Американская культура диеты и ее корни в христианском повествовании» // «Вопросы диетологии» № 1 (1999): 124–146.)]. Другие баптистки тоже были заинтересованы в моем прогрессе и без спросу приподнимали рубашку, чтобы взглянуть на мои живот и бедра. Взвешивание было самым радостным моментом той недели. Я была хорошей целый месяц и сбросила тринадцать килограммов.

Наступил июль, и отец отправил мне ежегодный авиабилет из Лос-Анджелеса до Бойсе, но я сказала, что не могу прилететь к нему. У меня не было возможности перевезти с собой все нужные «баптистские» замороженные обеды, а есть обычную еду я не могла.

– Ты не навестишь меня из-за какой-то диеты? – недоумевал папа.

– Прости, папочка, я не могу, правда. Ты будешь гордиться мной, когда все закончится, обещаю.

Я была его единственным ребенком. Он снова женился, но его новая жена не могла иметь детей, так что я была его единственной надеждой на внуков. А если я буду толстой, никто не захочет жениться на мне. Я хотела сказать ему, объяснить, что это не просто диета, что все мое будущее (и его тоже!) зависит от нее, но не смогла подобрать слов.

С приходом лета, избавленная ото всех обязательств, кроме работы в ресторане, я проводила большую часть времени в одиночестве спальни. Когда я выходила из дома, мне не хватало сил даже смотреть по сторонам – и было плевать, фотографируют меня или нет. Николетта пригласила меня в кинотеатр в торговом центре, но я не выдержала бы даже запаха попкорна и чипсов. Каждый вечер в ресторане меня окружала нормальная, вкуснейшая еда; эти два часа были для меня сущей пыткой.

На одной из наших еженедельных встреч Глэдис выразила недовольство по поводу моей работы:

– Ты должна уберечь себя от соблазнов, мисс Кеттл.

– Но если я не буду работать в ресторане, то не смогу платить за «Программу баптистов».

– Ну-ну, тебе не нужно так держаться за эту работу, – сладко промурчала Глэдис. Она взяла со стола газету и принялась просматривать объявления, чтобы помочь мне найти работу, которая не связана с едой. – Вот! Требуется выгульщик собак.

– У меня едва хватает сил, чтобы ходить.

– Может, тогда устроиться няней?

Я представила, как теряю сознание от голода на чужой кухне, а испуганный ребенок пытается набрать 911.

– Нет, мне лучше всего в ресторане. Я справлюсь.

Только я не смогла. Как-то раз на кухне я следила за приготовлением макаронника для детского праздника. В массивном поддоне, должно быть, были тысячи рожков, покрытых блестящим плавленым сыром. Пьянящий запах заполнил нос и рот, проник даже в самые потаенные уголки моего мозга, его оранжевые щупальца обвили каждую мысль. «Ни один десерт не сравнится со сладким вкусом того, что ты – худышка!» – повторяла я себе. Сколько калорий было в поддоне? Сто тысяч? Миллион? Сама мысль об этом стала мне противна.

Но когда пустые тарелки из-под макаронника вернули на кухню – какие-то были чуть ли не вылизаны, на некоторых одиноко лежали макароны или две, несколько выглядели так, будто к ним вообще не притронулись, – и сложили в мойке, чтобы Луи вымыл их, я не удержалась. Луи вышел покурить, а я подошла к мойке, воровато оглядываясь по сторонам – не смотрит ли кто, – взяла с ближайшей тарелки пару рожков и положила на язык. Это была моя первая настоящая еда за полтора месяца. Вкус, ощущения были иными, разница была огромной, как между кашемиром и колючей синтетикой.

После первых секунд блаженства вся серьезность деяния тяжелым грузом опустилась на плечи. Меня залихорадило. Я бросилась в туалет, склонилась над унитазом и выплюнула еду, глотая слезы и утирая сопли рукавом. Дура, дура, дура. Глэдис дала мне брошюры на каждый случай жизни: «Переедание от стресса после утраты близкого», «Опасности карнавалов, фестивалей и ярмарок» и т.д. У меня были груды подобных брошюр, но ни одна из них не смогла заглушить для моего разума гипнотическую песнь сирен – макарон и плавленого сыра. Но, решила я, не все так уж плохо. Я ведь даже не проглотила.

В какие-то дни мне хотелось позвонить на работу и сказать, что заболела. Я и вправду была больна или, по крайней мере, ощущала себя больной каждую минуту каждого дня, но я не могла в этом признаться. Для мамы это стало бы поводом воскликнуть: «Я же говорила!» – и запретить мне следовать «Программе баптисток». Я втайне боялась, что когда начнется школа, я стану хуже учиться из-за плохого самочувствия, но решила не загадывать так далеко.

На работе я продолжала украдкой подбирать объедки с тарелок: я держала их во рту, наслаждалась секундным вкусом, а затем выплевывала еду в унитаз или сплевывала в салфетку. Иногда я срывалась, хватала пару палочек картофеля фри с грязной тарелки, когда Луи не было на кухне, прожевывала и глотала. Совсем немножко, но они унимали головную боль.

В вечер торжества по поводу чьего-то выхода на пенсию я работала сверхурочно, помогая шефу Эльзе подготовить все к празднику. Кондитер заранее выпекла кокосовые макаруны, и Эльза попросила красиво разложить их на блюде. На кухне я была одна: строила пирамиды из печенек; руки дрожали и потели в сморщенных перчатках из тонкой резины. Шесть недель систематического голодания сломили меня. Один макарун занимал свое почетное место на блюде, другой исчезал в моем кармане. Когда я закончила, Делия отнесла блюдо в зал, не заметив ни приземистости пирамидок, ни выпуклостей в моих карманах.

Я зашла было в дамскую комнату, но официантки там болтали и наводили марафет перед зеркалом, поэтому я вышла на задний двор ресторана и уселась на бетонных ступенях, скрытая от посторонних глаз огромными мусорными баками. Когда мои пальцы коснулись шершавой поверхности печенья в кармане, я еще могла остановиться, взять себя в руки, использовать силу воли, могла начать прыгать, как Джек-попрыгунчик, или написать обо всем в блокноте; но я этого не сделала. Одна печенька, затем другая, третья – они все оказались во рту, – столько, сколько могло поместиться. Я запихивала их, не жуя; ощущение шероховатой кокосовой стружки и глазировки с легкой кислинкой на языке было подобно болевому шоку. Наскоро прожевав, я проглотила печенье. И засунула в рот три печенья, пару раз щелкнула челюстями, проглотила и, даже не переведя дыхания, проглотила еще два. Мои щеки пылали, глаза застилали слезы. Я знала, что поступаю плохо. Словно маньячка, я запихивала в рот печенье, не успевая прожевать и проглотить предыдущее. Кусочек кокоса застрял у меня в горле. Я насилу проглотила его, поцарапав слизистую, но даже это меня не остановило. Я продолжала доставать это кремовое кокосовое наслаждение из карманов и запихивать в рот, утирая руками слезы, сопли и ручейки слюны, смешанные с кокосовой стружкой, пока жевала. Я все еще была в резиновых перчатках. Я чувствовала себя преступницей.

Когда я проглотила последний кусочек и утерла с лица слезы и подтеки туши, я заметила в переулке поблизости Луи и Эдуардо. Я понятия не имела, как долго они пробыли там. Они смотрели на меня, не обращая внимания на тлеющие сигареты. Они все видели.

После стольких недель без еды мой сморщенный, как изюминка, желудок изо всех сил пытался справиться с таким взрывом калорий. Когда вернулась домой, я ощутила острую боль в животе. Я испугалась, что заболею, но как только боль

прошла, я почувствовала себя лучше, чем когда-либо. Головная боль исчезла. Я так привыкла к ней, что ее отсутствие поначалу обескуражило меня, будто я наконец стала свободной, будто невидимый ремень, что неделями сдавливал голову, внезапно ослабили. Впервые за то время, как я стала «баптисткой», я крепко проспала всю ночь.

На следующее утро, едва открыв глаза, я вновь почувствовала, как острые когти голода терзают мой бедный желудок. Голод вернулся. Я проснулась поздно, проспала завтрак, поэтому выпила сразу два баптистских коктейля, но они не насытили голодного зверя внутри меня. Когда зверь был голоден, он грыз меня изнутри. Нас в доме было двое: я и голодный зверь. Я застряла с ним, это сводило меня с ума. Я не могла этого вынести, поэтому съела обед из розового лоточка, хотя был только час дня. Потом еще один обед, затем выпила коктейль. Не выдержав, я разогрела себе баптистскую пиццу – тонюсенькую лепешку, покрытую стружкой как будто пластикового сыра. Кухонный стол был завален пустыми розовыми лоточками, бутылками и обрывками клейкой серебристой пленки, которые прилипли к столешнице. Я собрала все улики и вынесла на улицу, сбросив в общий мусорный бак, чтобы никто не узнал. Возвращаясь в дом, я заметила женщину с фотоаппаратом, объектив направлен на меня. Щелк-щелк. Она все видела. Она знала.

Я не чувствовала себя ни сытой, ни счастливой после такого незапланированного пира. Кокосовые макаруны приоткрыли мне дверцу в мир настоящей еды, и я хотела большего. Я позвонила Николетте. «Я думала, ты умерла», – прошептала подружка мне в трубку. Знаю, это была просто шутка. Но то же самое люди говорили и о Юлайле Баптист.

«Я не умерла, просто оградила себя от мира еды». Но я была готова сорвать все ограждения. Мы с Николеттой отправились в торговый центр. Ее мать отвезла нас на своем золотом «Мерседесе» с наклейкой «Ни один десерт не сравнится со сладким вкусом того, что ты – худышка!» на бампере. Николетта могла есть все, что только захочет, в любых количествах – она совсем не набирала вес; «Мать ненавидит меня за это», – говаривала она. В торговом центре мы полакомились хот-догами с чили и чипсами начос с соусом из перчиков халапеньо, запив все это сладкой вишневой содовой. Затем заказали еще по мягкому большому крендельку. Потом огромный торт «Муравейник», посыпанный белоснежной сахарной пудрой. Мы съели все. Конечно, время от времени мы заглядывали в магазины: послушать свежие компакт-диски, посмотреть на новую коллекцию обуви, но в торговом центре мы были ради еды. Перед уходом я купила домой

полдюжины пончиков из «Уинчеллс Донатс», в белой глазури с радужной посыпкой.

Прикончив гору пончиков в два часа ночи, я: готова умереть от счастья

На следующей встрече с Глэдис я, сгорая от стыда и чувства вины, призналась во всем. Она гладила меня по руке и призывала найти в себе силы противостоять искушению.

– Баптистка не боится признаться в том, что совершила ошибку, – урчала она, – но баптистка никогда не теряет веры в себя.

Пока она говорила, это казалось почти возможным. Она дала мне брошюру с Юлайлой на обложке под названием «Я не хочу быть худой – я просто выбираю здоровье!»[12 - «Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (14 февраля, 1998): «Согласно нашим последним данным, те толстые мичиганские феминистки все еще ошиваются возле нашей клиники в Анн-Арборе и пропагандируют свое: «Люби свое тело!» Нужно остановить этих овец! Мы противопоставим нашу «Азбуку здоровья» (ты уже одобрила новые брошюры?) их «Будь собой!» – ереси. Они не смогут опровергнуть «нашу» статистику смертности своим дерьмом. Мы можем нанять за деньги пару кандидатов медицинских наук, которые бы обеспечили программе положительные отзывы в прессе и профессиональных изданиях. Мне кажется, тот кардиохирург из Майами подойдет идеально. Можешь, пожалуйста, дать разрешение на производство платежей?» («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 351. N.B. См. также: Адамсон А., Хойт Г. и Роджерс О. «Я не хочу быть худой – я просто выбираю здоровье!» Брошюры «Программы снижения веса баптистов» и рождение эпидемии ожирения. Пустозвонство во время чумы» // «Изучение пищевых расстройств» № 7 (2004) 97–119.)). Внутри были главки о высоком кровяном давлении, диабете и сердечных заболеваниях. Глэдис сказала, что если я брошу следовать «Программе баптисток» сейчас, окажусь в зоне риска всех этих заболеваний. «Хочешь умереть, так и не дожив до сорока лет, сахарок?» Она рассказала мне о своей сестре, которая была такого же веса, как и я, и бесплодна.

Я не смогла сдержать слез, когда Глэдис взвесила меня: я снова набрала почти половину сброшенного веса. Все выстраданные голодные ночи, все мои усилия были тщетны; новая жизнь, которую я представляла себе каждый день, ускользала от меня, потому что я была ненасытной свиньей. Я твердо решила исправиться и вновь стать хорошей баптисткой. Но сбросить вес по тому графику, который мне высчитали изначально, было уже невозможно. Однако Глэдис утешила меня, заверив, что со всеми баптистками такое случается, так было и с ней[13 - «Докладная записка: [Имя зачищено] от старшего вице-президента [имя зачищено], копия Юлайле Баптист (1 марта, 1990): «Получила записку от адвоката? Она сказала, дисклеймер «Результат не гарантирован» на плакатах Юлайлы нужно писать более крупным шрифтом. Боже, неужели нам никак не получится обойти это?! Нельзя, чтобы потенциальные клиентки заметили надпись!» («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 357.))].

Баптистский образ жизни вновь поглотил меня. Я смирилась с постоянной головной болью и тошнотой, пряталась в спальне, избегала друзей и близких, полушепотом, как мантру, повторяла без устали: «Розовые контейнеры, розовые контейнеры», постоянно напоминая самой себе, что я должна есть только еду в розоватых контейнерах и больше ничего. Только так я смогу похудеть и спасти себя от преждевременной кончины.

Каждую неделю, покидая клинику с новыми пакетами розовых контейнеров и коктейлей, я заклинала себя, что буду «хорошей баптисткой». Но все это не имело значения. Мне не суждено было долго ею оставаться.

Как-то раз я, едва переступив порог клиники, четко расслышала громкие рыдания. Плакали женщины. Обезумевшая от горя Глэдис сквозь безудержные завывания сообщила мне, что Юлайла Баптист и ее муж погибли в автокатастрофе в Атланте.

– Был сильный ливень. Настоящий потоп, – выдавила из себя Глэдис. – Они не справились с управлением машины. Юлайла покинула нас.

Я сморгнула и невольно уставилась на плакат Юлайлы и ее джинсов-великанов.

– Покинула? – ошарашенно переспросила я, рухнув в ближайшее кресло. – В смысле, навсегда? Но это же невозможно.

Через несколько дней Глэдис позвонила мне с плохой вестью.

– Дочь Юлайлы закрывает нас, – всхлипнула она. Я едва могла разобрать ее слова. – Клиникам конец. Нам конец.

После звонка я сразу же ринулась в клинику, в надежде набрать столько баптистской еды, сколько смогу унести с собой, но когда я добралась туда, Глэдис и след простыл.

– Не-ет, – закричала я, что есть силы колотя в запертые двери. У клиники стояли и другие «баптистки», изможденные и подавленные, вероятно, на грани срыва, но слишком обессиленные для истерик.

– За что-о-о?! – провыла одна из страдалиц, положив руки мне на плечи. – Почему дочь Юлайлы ненавидит нас?

Вернувшись домой, я застала маму на прогретых солнцем ступеньках крыльца, она чистила апельсин. Я села рядом.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила мама.

– «Баптисток» больше нет. Дочь Юлайлы закрыла все клиники.

– Молодец она!

Я молча наблюдала, как стружки апельсиновой кожуры падают на землю между маминих ног, я вдыхала терпковатый запах цитруса. У меня траур, а моя мать сидит и улыбается как ни в чем не бывало. Казалось, она только этого и ждала. Я вытащила из сумки фотографию, которую сделала Глэдис. Я была легче на одиннадцать килограммов, но все равно толстой. Скоро начнется школа, а без «Программы снижения веса баптисток» все мои планы на последний учебный год и мечты о новой жизни в Вермонте пошли прахом. Я боялась, что навсегда останусь жирухой с фотографии «до».

Маленький синий винтажный автомобиль-жук, вероятно шестидесятых годов, остановился перед домом. Мужчина остался за рулем, а тощая девица с фотоаппаратом выскочила из машины и принялась щелкать, направив объектив на меня и маму. Ничего не изменится. Они всегда будут глазеть. Такова моя судьба.

– Вон отсюда! – заорала я, вскочив на ноги. Девица аж подпрыгнула на месте и сиганула к машине. Когда автомобиль отъехал от дома, я схватила блестящую круглую крышку с одного из наших металлических мусорных баков и запульнула автомобилю вслед. Я зарычала что есть сил, заглушая грохот металлической крышки, приземлившейся на середину дороги. Машина скрылась за поворотом в конце улицы.

Когда я обернулась, то увидела, что мама тоже вскочила на ноги и обеспокоенно смотрела на меня.

– Плам?

Я теперь стояла там, где обычно ошивались гляделы и паломники, как бы по ту сторону баррикад. Все вернулось. Прямая оказалась кругом. С этого ракурса дом выглядел обычным, совершенно ничем не примечательным каменным зданием, но я прожила там большую часть жизни. Если бы я могла собрать фотографии всех туристов и разместить их в хронологическом порядке, то по ним можно было бы рассказать такую историю: маленькая пухлая девочка, сидящая в тени пальмы, становится молодой девушкой, разрастаясь все больше и больше. Затем она становится затворницей в доме, вот она – огромная тень за плотной шторой, она едва помещается в кадре. Черное пятно.

Часть третья. Выпей меня

Два дня прошло с тех пор, как я обнаружила «Приключения в Диетлэнде» на кухне в Остен-тауэр; и почти закончила читать эту книгу. Я должна была быть в кофейне, отвечать на вопросы «девочек Китти», но я не могла оторваться от истории. Я принесла в жертву свою работу ради горчично-желтых страничек, которые старалась ненароком не намочить, пока отмокала в горячей ванне.

Двенадцать лет минуло с той весны, когда я впервые переступила порог «Клиники баптистов». За все эти годы я практически не вспоминала о том периоде, но книжка разбредила старые душевные раны; те дни на Харпер-лейн теперь ярко представали в моем сознании. Я словно вновь могла ощутить на языке вкус баптистской еды: металлический привкус разбавленного томатного соуса, кислое послевкусие во рту после порции запеканки, от которой пахло, как от средства для очистки ковров. Я вспомнила баптистские коктейли, их меловую текстуру и отдающий медикаментами белый осадок на языке. Когда империя «Баптист» перестала существовать, я знала лишь самые общие сведения: Верена Баптист унаследовала компанию; как у единственной владелицы акций, у нее было право закрыть все клиники, что она, собственно, и сделала спустя несколько дней, почти сразу же после трагической кончины родителей. Тогда я возненавидела дочь Юлайлы, хотя не знала даже, как ее зовут. Теперь, благодаря девушке, я держала в руках «ее слова».

Верена писала, что после того, как закрыла клиники, она осталась с «литрами баптистских коктейлей, чанами тушеной говядины и грузовиками куриных грудок, покрытых таинственной слизью»; все это «добро» было отдано в столовые и приюты для бездомных – «людям, которые голодали не по собственному выбору». Верена описывала это как акт милосердия, я же думала, что «баптистские помои» все же немного лучше, чем ничего.

Сейчас же я чувствовала только гнев и отвращение, когда читала о Юлайле. Как и всем «баптисткам», мне было суждено потерпеть неудачу, но тогда я винила в этом только себя. Возможно, когда-то давно я ненавидела дочь Юлайлы, теперь же я была рада, что она разоблачила мать. Наконец-то я осознала, что «Программа баптистов» не сработала вовсе не по моей вине.

Интересно, почему Верена публично отвернулась от матери? В основном книга содержала статьи, сухие факты, деловую (quasi) переписку, лишь изредка проскальзывал голос самой Верены. Но первый абзац словно был олицетворением ее самой – правдивые слова, неприукрашенные: «До моего рождения мама была стройной молодой женой. Они с папой обосновались в чудесном доме в Атланте и жили в любви, счастье и согласии... целый год, пока в одну пьянящую ночь страсти после мартини на веранде с Эмберсонами через дорогу папа не заминировал маму бомбой, что взорвалась через девять месяцев, превратив маму в жирную корову со шрамом, растяжками и талией объемом с автомобильную покрывку».

Этой бомбой, как нетрудно догадаться, была Верена. Она уничтожила идеальную фигуру бывшей королевы красоты, что сделало Юлайлу одержимой диетами, что, в свою очередь, привело к созданию всеамериканского ужаса под названием «Программа снижения веса баптистов». Почему Верена решила дискредитировать в печати покойную матушку и раскрыть все ее секреты? Ее заставили чувствовать себя виноватой лишь за то, что она появилась на свет.

Но книга была не только о «Программе баптистов». Верена попыталась разоблачить индустрию платных центров по снижению веса. Она много писала об известных диетологах, авторах книг про похудение, о настоящих гуру; некоторые разделы книги были посвящены диетическим препаратам, там даже была глава об операции, которую я планировала сделать. Но основной идеей книги была концепция побега женщин из некоей страшной страны, которую Верена называла Диетлэндом – страной диет. «Идеология Диетлэнда – сделать женщину ничтожной, делая ее худой!» – писала Верена. Моей матери понравилась бы эта книга. Я была уверена, что она прислала бы мне копию, если бы знала о ее существовании.

В книге также было много фотографий Юлайлы: Юлайла в короне и с ленточкой «Мисс Джорджия 1966», свадебный снимок, снимок времен «невыносимой жизни», когда Юлайла была толстой, ну и знаменитая фотография тонкой, как тростинка, Юлайлы, держащей свои гигантские джинсы, конечно. На одной фотографии лицо ее было подтянутым, а ноги стройными, но Юлайла все равно была немного расплывшейся в бедрах и талии. Я смотрела на фотографию и думала, что после смерти Юлайла таки получила то, что ускользало от нее в жизни. В виде трупа она наверняка была такой иссохшейся мумией, какой хотела быть. Кожа да кости.

На задней стороне обложки «Приключений в Диетлэнде» помещалась краткая биография автора: «Верена Баптист живет в Нью-Йорке, является основательницей и руководительницей феминистской организации «Дом Каллиопы». И все. Ее фотографии тоже не было, так что я даже не могла взглянуть на лицо женщины, что разрушила мои мечты, на лицо женщины, которую я так ненавидела в юности.

Я закрыла книгу и бросила на пол в ванной, не желая больше думать о моих «баптистских» днях. Вынужденный отказ от баптистской диеты склонил меня к другой крайности: вместо того, чтобы оградить себя от моря еды, я окунулась в него с головой. Большую часть выпускного года старшей школы я провела в

компании пирожных, печенек и пирогов – в ресторане Делии я стала помощницей кондитера. К тому времени, когда нужно было поступать в колледж, я не только вернула все сброшенные ранее килограммы, но и набрала новые. В колледже я присоединилась к «Худому дозору» – они проводили собрания прямо в моем кампусе, но, разочаровавшись в их программе, я стала самостоятельно следовать другим диетам, изложенным в различных книгах и журналах. Я принимала всевозможные таблетки для похудения, в том числе и те, что были отозваны управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов после нескольких случаев летального исхода. Я также заказывала БАД у одной компании из Мехико, но я отказалась и от этих добавок после сильных болей в животе. На протяжении почти всего первого курса я пила на завтрак и обед диетические шоколадные (вроде как) коктейли, которые вызвали у меня геморрой, образовали каловые камни в кишечнике и которые на вкус были еще хуже, чем баптистские коктейли. Я была слишком брезглива для схемы «поела-унитаз» и слишком слаба, чтобы довести себя до нервной анорексии. Поэтому, как только я прошла все круги ада с различными диетами, я вновь вернулась к «Худому дозору».

За все годы, что минули со дня моего вступления в ряды «баптисток», я набрала около сорока шести килограммов. Прочитав «Приключения в Диетлэнде», я лишний раз убедилась, что операция для меня – правильное решение. Верена пришла бы в ужас от такого вывода, так как она выступала против радикальных мер, за исключением угрожающих жизни случаев, но ее личные мотивы для меня не имели никакого значения. Она доказала мне, что диеты не работают. За это я была ей благодарна.

Непрошенные воспоминания вымотали меня; некоторое время я просто расслабленно лежала в ванне, ни о чем особо не думая. Вода уже остыла, но мне не было холодно или неприятно. Теперь я знала, что таинственная девушка вовсе не собиралась смеяться надо мной, оставив книгу Верены, но я все еще не знала, что ей надо. Мне так не хотелось вылезать из воды, когда раздался телефонный звонок. Кто бы ни звонил, он мог оставить мне сообщение, но через несколько минут звонок раздался снова. Я недовольно вылезла из ванны и голая пошлепала по коридору, оставляя после себя лужицы воды на полу.

– Могу я поговорить с мисс Кеттл? – слышалось в трубке.

– Это я.

– Плам?

– Кто звонит?

– Меня зовут Эрика, я из отдела кадров «Остен Медиа». Нам нужно, чтобы вы в понедельник подъехали в наш офис к десяти утра, подписать один документ.

– Какой еще документ?

– Который вам нужно подписать. Всего лишь небольшие проблемы с медицинской страховкой.

– Хорошо, – согласилась я, хотя меня совсем не радовала перспектива еще одной поездки на Манхэттен.

– Тогда ждем вас в офисе отдела кадров на двадцать седьмом этаже. Спасибо, до свидания.

Последние пару дней я совсем не думала об империи «Остен». С того дня, как открыла книгу Верены, я совершенно забила на письма девочек Китти. Их безмолвные крики о помощи были заперты в моем ноутбуке – в ящике Пандоры, который я боялась открыть.

* * *

На двадцать седьмом этаже я вышла из лифта и направилась в сторону офиса, но не по дороге из желтого кирпича, а по длинному коридору, устланному дорожущим ковролином. Вела эта дорожка к огромному окну от пола до потолка – то ли прозрачная дверь в сердце Манхэттена, то ли дорога в огонь солнца, то ли пропасть. Коридор походил на трамплин над морем зданий. Я прижалась лбом к стеклу и посмотрела вниз.

Эрика, женщина, которая приставала ко мне по телефону, встретила меня в офисе отдела кадров. Она протянула мне клипборд со справкой с логотипом страховой компании «Трай-Стейт Хелф».

– Пожалуйста, прочтите и подпишите, – сказала она, сидя рядом со мной в приемной.

Читать-то там было особо нечего: просилось лишь подтвердить страховой план, который я выбрала, когда начала работать на Китти.

– Отлично, – просияла Эрика, когда я передала ей клипборд. – Я провожу вас до лифта.

– И это все? Из-за этого я приехала из Бруклина?

– Вы ведь не хотите, чтобы срок действия вашей страховки истек, правда?

Я хотела ответить ей с такой же издевкой, но это того не стоило. Собрала вещи, и Эрика проводила меня из офиса, что было совсем не обязательно. Когда мы ждали лифт, я выглянула в окно и вновь подумала о трамплине для прыжков. Каково это – выйти в окно света, прыгнуть, приземлиться в сердце мегаполиса? Я была поглощена этой мыслью, пока громкий звонок лифта не вернул меня к реальности. Яркий солнечный свет заливал коридор, приходилось невольно щурить глаза, но я все же заметила, как Эрика вытащила мою только что подписанную справку из клипборда и, скомкав ее, выбросила в мусорное ведро.

– Эй, это же...

– Второй цокольный этаж, – заговорщически прошептала она. – Ц-2. Ты должна спуститься туда. Придется пересесть на другой лифт в фойе.

– Ты о чем? Что вообще происходит?

Эрика придерживала локтем двери лифта, не давая им закрыться.

– Поторопись. Мне нужно вернуться к работе.

Щуря глаза от яркого света, я зашла в лифт. Когда двери закрылись, скрывая от меня лицо Эрики, и кабинка начала плавно спускаться, в голову мне пришла всего одна мысль. «Девушка».

Я немного помедлила в фойе, прежде чем подойти к лифту, который смог бы отвезти меня на Ц-2. Я не понимала, что происходит, но я сгорала от любопытства: что же случится, если я последую указаниям Эрики? Когда я спустилась на два этажа под башню «Остен Медиа», то оказалась перед двойными дверьми с потускневшей, заляпанной следами многочисленных пальцев серебряной табличкой «Уголок красоты». Справа от дверей была кнопочная панель доступа, а также еще одна кнопка, размером побольше, видимо, звонок.

Двери лифта за моей спиной захлопнулись. Я подошла к входу в «Уголок красоты» и позвонила в звонок. Прошло несколько секунд, ни звука, даже ни намек, что с той стороны кто-то есть.

Я хотела было нажать на кнопку еще раз, но услышала неотчетливые звуки за дверью; я приложила ухо к двери. Цок-цок, цок-цок. Звуки нарастали, словно цоканье конских копыт в старом вестерне. Цок-цок, цок-цок. Я слушала еще с минуту и только потом поняла, что это стук чьих-то каблуков. Кто-то шел к двери. Цок-цок.

– Иду-иду, – раздался приглушенный голос; дверь слегка приоткрылась, сквозь щель я едва могла разглядеть лицо говорящей. – Я Джулия Коул, хозяйка «Уголка красоты». Чем могу помочь?

– Меня зовут Плам, и я не знаю, почему я здесь.

Ничего не ответив, женщина открыла дверь и впустила меня. Только переступив порог, я невольно ахнула. Едва ли это место можно было назвать уголком. Внутри без труда мог бы поместиться «Боинг 747», а то и два. Кто бы мог подумать, что у сверкающего мирового древа Остен-тауэр была такая огромная корневая система в недрах? Всюду, куда падал мой взор, высились бесконечные стеллажи, потолок белел слепящими лампами, будто я внезапно оказалась в гигантском супермаркете, по масштабам сравнимом лишь с древним месопотамским храмом. Передвижные лестницы стояли в каждом проходе между стеллажами, такие высоченные, что верхушки их терялись в слепящей белизне электрического света, казалось, будто лестницы были устремлены в небо. Каждый стеллаж отмечался блестящей табличкой – «ГУБЫ», «ВЕКИ», «РЕСНИЦЫ», «ВОЛОСЫ» и так далее, – и не было ни одной пустующей полки: все были уставлены черными маркированными коробками с косметикой.

– И это вы называете «уголком»?

Женщина теперь стояла передо мной, на ней были шелковая сиреневая блузка, укороченные брюки кремового цвета и шпильки. Талию ее опоясывала сумочка визажиста, из которой торчали всяческие кисти, тюбики и баночки.

– Тебе, – сказала она, протягивая мне небольшой металлический футлярчик. «Сочная слива», – значилось на наклейке на донышке футлярчика.

Джулия жестом указала следовать за ней. Мы двинулись вдоль стеллажей, отмеченных табличкой «ГУБЫ»; вся косметика на полках была тщательно рассортирована – тут помада, там блеск, вот здесь бальзамы для губ, вон там карандаши – и разделена по цвету: на каждой полке висела цветовая палитра, как в магазине красок. На одной из полок я углядела листочек с написанными от руки словами «ГУБЫ: МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ» и изображением того, что издалека походило на половинку мандарина, а на поверку оказалось довольно детализированным рисунком вульвы.

– Это у нас так шутят, – сказала Джулия, проследив за моим взглядом.

В самом сердце лабиринта стеллажей стояли два стула на колесиках; Джулия уселась на один и пригласила меня занять другой стул.

– Отвечая на твой вопрос. Это место называется «уголком красоты» еще по старой памяти. Когда в 1928 году на этом месте стали воздвигать первые этажи Остен-тауэр, а империя «Остен» уверенно двигалась к всеамериканскому господству, дочь Корнелиуса Остена определили сюда – выбирать косметические средства для модных журналов – их тогда было только два, – которые публиковала компания. На самом деле это просто был способ занять ее чем-то, пока она не выйдет замуж. Сотрудники компании любили девушку и часто заходили к ней чайку попить, поболтать. С тех пор этот «уголок» с тучей косметики – вроде как традиция «Остен Медиа».

Джулия поправила свою сумочку на поясе, ловко подхватив выскользнувшие кисточки. Прямо над головой Джулии ясно читался ярлычок на полке: ГУБ. ПОМ./МАТОВ./бургунд. 003ПМБ. Я задалась вопросом, не Джулия ли разработала эту Десятичную классификацию Дьюи[14 - Десятичная классификация Дьюи (англ. Dewey Decimal System) – библиотечная система классификации книг, при

которой все области знания делятся на десять классов, а внутри каждого класса выделяются десятичные подклассы, разделы и подразделы. Изобретена в 1876 году американским библиотекарем Мелвиллом Дьюи. На этой системе основана система Библиотеки Конгресса, а также большинство библиотечных классификаций, применяемых в мире.] (Джулии?), только для косметики.

– Для чего здесь вся эта косметика?

– Над нами пятьдесят два этажа. Империя «Остен», как ты знаешь, выпускает девять модных журналов, известных под общим названием «Девять Муз». Прибавь еще телевизионные передачи, рекламу, видеоблоги и тому подобное. На страницах журналов и на экранах телевизоров и гаджетов всегда много женщин. И всем им нужен идеальный макияж. Вот этим мы здесь и занимаемся.

Я огляделась по сторонам, но так и не смогла охватить взором все бесчисленные стеллажи. Заметив, что я слегка дрожу, Джулия улыбнулась:

– Здесь прохладно, чтобы косметика не таяла. Я уже привыкла. – Немного помедлив, Джулия добавила: – Прежде чем мы продолжим, ты должна понимать, что все, что я расскажу или покажу тебе здесь, совершенно секретно. Ясно?

Я молча кивнула.

– Одиннадцатого мая под вымышленным именем я написала вот это и отправила через раздел «Привет, Китти» на сайте Daisy Chain. – Джулия вытащила из своего пояса-сумочки сложенную бумажку, развернула ее и зачитала: – «Дорогая Китти, я пишу тебе, потому что считаю тебя одним из самых величайших умов нашей современности. Как думаешь, кто в этом мире угнетен больше – женщина, закутанная с головы до ног в паранджу, или загорелая модель в бикини на страницах вашего журнала?»

Я на мгновение задумалась, пока в памяти само не всплыло это сообщение:

– Я помню. Очень необычное письмо.

– Три дня спустя, – продолжала Джулия, – я получила ответ: «Меня радует, что ты размышляешь о таких серьезных вопросах. Обычно я не получаю подобных

писем от девочек твоего возраста. Ты задала очень интересный вопрос, на который я не уверена, что смогу ответить. Одна девушка скрывает свое тело, другая обнажается. Не две ли это стороны одной и той же монеты? Спасибо, что написала мне!»

Джулия сложила бумажку и убрала ее обратно в сумочку. Я смутилась, услышав из ее уст свои же слова, написанные от лица Китти.

– Я сразу поняла, что мне ответила не Китти. Я и не ждала, что Китти ответит лично, но мне стало очевидно, что письмо было написано не одной из тех «куколок», что обычно работают на нее. Узнать, кто его написал, было не так уж сложно. Я позвонила Эладио, и он за считанные секунды проболтался. Когда мне сказали, что ты работаешь на дому, я послала Литу узнать о тебе побольше. Она моя помощница. Прошлой осенью увела ее к себе из редакции «Прекрасной невесты».

Лита! Наконец-то таинственная девушка обрела имя.

– Не похожа она на ту, кто стал бы работать в «Прекрасной невесте», – вставила я, вспоминая армейские ботинки и готичный макияж.

– Я тебя умоляю. Лите дела нет до невест и красоты. Ее стажировка там всего лишь средство, но не цель.

– Она сейчас здесь? – спросила я, втайне надеясь на отрицательный ответ. Она слишком много знала обо мне. Она видела.

– Лита уехала из города по делам. И, раз уж мы заговорили об этом, позволь извиниться за ее поведение. Да, я подослала ее к тебе, но я уже предупреждала тебя, что работа, которой я занимаюсь здесь, совершенно секретна. Я хотела, чтобы Лита понаблюдала за тобой, составила представление о твоей повседневной жизни, я хотела знать, какой ты человек. В своем деле я могу доверять только проверенным людям. Хотела убедиться, что ты подойдешь нам.

– Подойду? Для чего?

– Суть в том, что после разговора с Литой и прочтения ее заметок я поняла, что вела она себя... не совсем достойно. Вторглась в твою жизнь, выбила тебя из колеи... – Джулия потянулась к поясу и из самого глубокого кармана вытащила красный блокнот на пружинке, тот самый, в котором писала Лита, когда наблюдала за мной.

– Дайте мне посмотреть, – выпалила я и протянула руку за блокнотом.

Джулия, даже не моргнув, спокойно убрала его обратно в карман.

Получив отказ, я вспыхнула:

– Я ведь могла позвонить в полицию.

– Почему не позвонила? – спросила Джулия.

На это мне не нашлось что ответить.

– Опять же, прошу прощения за то, что произошло, – продолжила Джулия. – Ты не должна была заметить Литу.

– Но отправлять ее шпионить за мной – это, по-вашему, нормально?

– Шпионить? Она просто хотела узнать тебя получше.

– Без моего ведома?

– В общем-то, да. Сначала.

Тогда я задумалась, уж не стала ли я жертвой какого-нибудь дурацкого розыгрыша? Если да, то Джулия прекрасно играла свою роль.

– Почему она оставила мне книгу Верены Баптист?

– Это была идея Литы. Ты ей понравилась. Она подумала, ты оценишь книгу.

– Вы знаете Верену Бап...?

Внезапно раздался звонок в дверь, прервав мой вопрос. Джулия испуганно подскочила на месте, откинулась на спинку стула, задев им стеллаж позади; тюбики губной помады градом посыпались ей на голову, разлетелись по полу.

– Вот черт! – выругалась Джулия. – За мной, скорее! – приказала она мне и засеменила к дверям, так быстро, как только могла на высоких каблуках.

Кто-то сильно колотил в дверь.

– Алло, есть тут кто? Это Тамрин Суарес-О’Брайен, – слышался женский голос. – Откройте мне!

– Продюсер «Кружева ТВ», – шепнула мне Джулия, открывая дверь.

Тамрин Суарес-О’Брайен переступила порог в своих высоченных фиолетовых шпильках «под змеиную кожу».

– Ты чего так долго? – выдохнула она, барабаня наманикюренными ноготками по своему огромному животу. – Ты же знаешь, беременным нельзя долго стоять на каблуках!

Говорила она с Джулией, но глаз не сводила с меня.

– А ты кто такая? – спросила она.

– Она работает на Китти, – тут же встряла Джулия, не давая мне и рта раскрыть. – Пришла за помадой.

– Ясно, – безразлично протянула Тамрин. – Ты знаешь, я терпеть не могу пользоваться своим положением, – сказала она, вновь указывая на живот, – но мне нужен парфюм, и срочно. Все утро в офисе я вдыхаю этот отвратительный запах. Ну знаешь, запах... тела. Мне было интересно, от кого это так несет, пока не поняла, что от меня.

Джулия повела Тамрин в отдел парфюмерии, оставив меня в одиночестве. От нечего делать я взяла клипборд, висящий на одном из стеллажей:

[НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ – 4 ИЮНЯ, 2012]

Афганский красный.00379 От зари до зари.00380 Амаретто.00381 Янтарная Роза.00382 Аморозо.00383 Ангел.00384 Апачи.00385 Яблочный бренди.00386 Арабская ночь.00387 Ареола.00388 Пробуждение.00389 Куколка.00390 Щечки младенца.00391 Красная глина.00392 Натура.00393 Королева красоты.00394 Beige.00395 Belle de Jour.00396 Стервочка.00397 Укуси меня.00398 Черный мед.00399 Ежевика.00400 Искра.00401 Кровотечение.00402 Клеверный мед.00403 Венера.00404 Кроваво-красный.00405 Розовый бутон.00406 Румянец.00407 Нежная роза.00408 Богемская рапсодия.00409 Бренди.00410 Брауни.00411 Помятый плод.00412 Бабблгам.00413 Бургундский.00414 Ириска.00415 Зануда.00416 Слово на «Б».00417 Cafe Cr?me.00418 Карамельное яблоко.00419 Коготки.00420 Пьяная вишня.00421 Вишневая содовая.00422 Вишенка-бомбочка.00423 Вишнево-красный.00424 Клубничка.00425 Черешня.00426 Чили.00427 Корица.00428 Майская роза.00429 Паутина.00430 Хулиганка.00431 Кокосовая стружка.00432 Кофеманка.00433 Кока-кола.00434 Медная монета.00435 Бронзовая пыль.00436 Коралловая роза.00437 Труп невесты.00438 Космополитан.00439 Сахарная вата.00440 Клюква в сахаре.00441 Cr?me Br?lee.00442 Влюбленность.00443 Раздавленная ягодка.00444 Папина дочка.00445 Женщина-вамп.00446 Темная сторона луны.00447 Декаданс.00448 Темно-коралловый.00449 Дьяволица.00450 Дива.00451 Соблазни меня.00452 Dolce Vita.00453 Госпожа моя.00454 Персиковые мечты.00455 Пыльная роза.00456 Варенье из розовых лепестков.00457 Властная.00458 Возьми меня.00459 Прекраснейшая.00460 Пожар.00461 Пламенная роза.00462 Огонь внутри.00463 Запретный плод.00464 Прелюдия.00465 Веснушка.00466 Марокканский апельсин.00467 Покрытый инеем виноград.00468 Рана.00469 Девичьи страхи.00470 Нежность.00471 Девчачий розовый.00472 Золотоискатель.00473 Золотая пыль.00474 Виноград.00475 Гуава.00476 Джин Харлоу.00477 Ударь меня.00478 Медуница.00479 Медовый Плам.00480 Ярко-розовый.00481 Нахалка.00482 Мне все равно.00483 Бесстыдница.00484 Инженю.00485 Малолетка.00486 Мадам Брошкина.00487 Лакомый кусочек.00488 Красные лианы.00489 Все путем!.00490 Просто красный.00491 Поцелуй смерти.00493 Поцелуй меня.00492 Котенок.00494 Женственность.00495 Милашка.00496 Лолита.00497 Страстная.00498 Девица.00499 Кленовый сироп.00500 Мэрилин.00501 Месячные крови.00502 Мерло.00503 Мексиканский

перчик.00504 Белая ворона.00505 Кофе и мед.00506 Мокко Детка.00507 Мокко Мама.00508 Мокко Маньячка.00509 Бандитка.00510 Moulin Rouge.00511 Убей меня.00512 Плохая девочка.00513 Почти что красный.00514 Розовый сосок.00515 Просто розовый.00516 Оргазм.00517 Бледно-розовый.00518 Нарушительница спокойствия.00519 Красавица слива.00520 Перекись.00521 Извращенка.00522 Пигалица.00523 Малиновый.00524 Ягодный взрыв.00525 Розовое шампанское.00526 Розовый фламинго.00527 Сердце розы.00528 Розовая содовая.00529 Розовые пяточки.00530 Принцесса роз.00531 Розовые розы.00532 Розовый сахар.00533 Розовый туман.00534 Розовая страна.00535 Бренди из сливы.00536 Косточка сливы. 00537 Страстная смоковница.00538 Аметистовая слива.00539 Гранатовый сок.00540 Порнозвезда.00541 Красотка в розовом.00542 Жертва.00543 Принцесса.00544 Панк.00545 Классная Киска.00546 Изюм 'н' Розы.00547 Роза-скиталица.00548 Малиновый поцелуй.00549 Малиновое забвение.00550 Только для взрослых.00551 Вороново крыло.00552 Красный восторг.00553 Отравленное яблоко.00554 Red Devil.00555 Красный виноград.00556 Индийский красный.00557 Огненная ящерка.00558 Красная королева.00559 Арабьята.00560 Красные розы.00561 Огненный рубин.00562 Страх липкий, как кровь.00563 Красный херес.00564 Красный бархат.00565 Красное вино.00566 Багряный.00567 Рок-звезда.00568 Римские каникулы.00569 Румяная роза.00570 Букет роз.00571 Вожделение.00572 Амарантовый.00573 Краснозорька.00574 Rouge.00575 Красный турмалин.00576 Красный циркон.00577 Рубиновый поцелуй.00578 Медовый ром.00579 Сангрия.00580 Скарлет.00581 Алая буква.00582 Шахразада.00583 К черту!.00584 Жизнь в красном цвете.00585 Секси ми.00586 Сексуальная преступница.00587 Страсть.00588 Божья коровка.00589 Серебристая дымка.00590 Полнолуние.00591 Чайная роза.00592 Спящая красавица.00593 Страстьзилла.00594 Оттенки серого.00595 Изюминка.00596 Пряное яблоко.00597 Острый имбирь.00598 Спайдервумен.00599 Старлетка.00600 Красотка в законе.00601 Красотка на каблучках.00602 В свете софитов.00603 Клубничные поцелуи.00604 Сахарная слива.00605 Сахарная фиалка.00606 Солнце полуночи.00607 Рассвет.00608 Бескрылый ангел.00609 Дразни меня.00610 Искусительница.00611 Текила.00612 Это любовь!.00613 Щекотка.00614 Тигровая лилия.00615 Запеченный фрукт.00616 Бродяга.00617 Рахат-лукум.00618 Кровь девственницы.00619 Вампирша.00620 Грешница.00621 Испуганная нимфа.00622 Лиловая богиня.00623 Черная ведьма.00624 Мегера.00625 Извержение вулкана.00626 Вуду Мама.00627 Королева Вуду.00628 Сочный арбуз.00629 Брачная ночь.00630 Виски.00631 Белоснежка.00632 Злая Ведьма Запада.00633 Дикарка.00634 Виношко!.00635 Раненое сердце.00636 Зомби.00637

Появилась Тамрин с флаконом духов в руках.

– Быть беременной – отстой, – страдальчески протянула она, когда Джулия закрывала за ней дверь.

Когда послышался звук поднимающегося лифта, Джулия уперлась лбом в дверь, закрыла глаза и выплюнула: «Шмара!», затем повернулась ко мне:

– Два года назад я защитила кандидатскую по феминологии. Но никого в этом гадючнике не интересует, что у меня научная степень из престижного университета. И вот я здесь, днями сортирую тушь и помаду на складе без единого окна. Посмотри на меня, – устало вздохнула Джулия. – Эта одежда, эти крашенные волосы, эти гребаные шпильки. Пойми, в своей настоящей жизни я бы никогда так не одевалась. – Джулия покраснела, на лбу у нее выступили бисеринки пота, несмотря на прохладу склада. Она утерла лоб и обмахнулась рукой, подгоняя к себе холодный воздух, затем потянулась к своей сумочке визажиста. Вид у Джулии был изможденный, кожа бледной, под глазами ее залегли темные круги – вероятно, оттого, что она проводила почти все свои дни на подземном складе, вдали от солнечного света. Она была все равно что шахтер в «модной» угольной шахте, погребенная под землей среди залежей блесков и теней.

– А как со всем этим связана Верена Баптист? – снова спросила я.

– Да никак, – ответила она, забрав у меня клипборд и повесив обратно на крючок на стеллаже. – Так, больше никаких вопросов. Встань у стены. – Она двинулась на меня, вытесняя назад, пока я не уперлась в бетонную стену. Мы с Джулией были одного роста, стояли лицом к лицу. Волосы Джулии, каштановые со светлыми карамельными прядями, волнами опадали на плечи. Она взяла меня за подбородок и слегка откинула голову назад. – Открой рот, – приказала она.

– Чего? – промычала я.

– Сделай так, как я прошу.

Левой рукой она придерживала мой подбородок, правой искала что-то в сумочке. Я приоткрыла рот и закатила глаза; вскоре я почувствовала, как кончик карандаша скользит по губам – сначала непривычно царапая, затем мягко и

приятно. Я чувствовала, как дыхание Джулии шевелило волоски на моей шее, когда она красила губы прохладной помадой.

– Тебе идет этот цвет, – вставила она. – У тебя бледная кожа. Как лепестки белой розы.

Я залилась румянцем.

– Неужели тебе никто не говорил, что ты красивая? – удивленно спросила Джулия.

Я отвернулась, но она притянула мой подбородок к себе, внимательно всматриваясь в лицо.

– Какого цвета твои соски?

– А?

– Соски? Какого цвета?

– Р-р-розовые, – смущенно протянула я. Никто раньше не спрашивал меня об этом.

Джулия вытащила из сумочки палитру румян и показала мне:

– Такие?

Я взглянула на палитру и качнула головой:

– Светлее.

Джулия снова потянулась к поясу и достала другую палитру, с самыми бледными оттенками розового.

– Что-то вроде этого, – согласилась я.

Легкими профессиональными взмахами кисточки Джулия нанесла румяна на щеки. Несколько кисточек высыпались из ее пояса, и она наклонилась, чтобы поднять их. Мне открылся вид на ее грудь под сиреневой блузкой, я заметила вытатуированную на грудной клетке розу с шипами.

– Теперь закрой глаза, – сказала Джулия.

Я почувствовала, как что-то мягкое и слегка щекочущее, словно перышко, коснулось век. Когда Джулия закончила, я открыла глаза.

Джулия придирчиво рассматривала меня, сложив руки на груди.

– Накладывать макияж – такая скучища, – протянула она.

– Зачем я здесь?

Джулия мерила шагами проход между стеллажами, стук ее каблуков отдавался гулким эхом.

– Ты можешь прямо сейчас пойти к Китти и все ей выложить, – сказала она, покусывая кончик кисточки для румян. – Тогда мне конец.

– Чего выложить? Я ничего не знаю.

Джулия задумалась на мгновение.

– Лита считает, тебе можно доверять. Я хочу, чтобы ты кое-что сделала.

* * *

Памяти Шонды

Мужчины были еще живы, когда их запихивали в коричневые холщовые мешки. Два мужика, два мешка. Ночью оба мешка сбросили на дорогу на транспортной развязке имени судьи Гарри Преджерсона, самой высокой в Южной Калифорнии, прямо между средними полосами движения I-105 и I-110. Падение, определенно, и убило их, позже сообщили представители органов.

В течение нескольких следующих часов по мешкам проезжали легковые машины и грузовики; непрерывный поток движения бил их, пихал, теснил к обочине. Сотрудник дорожно-патрульной службы заметил один из мешков и позвонил, чтобы сообщить о мертвом животном на дороге. «Что-то большое и темное. Останавливаться и проверять не входит в мои обязанности».

Через час прибыла дорожная бригада – два опытных работника и приставленный к ним молодой рэпер Джейсон Фокс, что отбывал наказание в виде общественных работ. Однажды ночью в своем особняке на голливудских холмах восходящая звезда рэпа избил подругу, известную модель. Сделанные полицией снимки обезображенного лица девушки утекли в сеть. Джейсона Фокса приговорили к небольшому сроку в окружной тюрьме Лос-Анджелеса, за которым последовала тряска в служебной машине вместе с двумя здоровенными потными импотентами – ездить по дорогам и подбирать трупы животных. Оранжевая роба сменилась комбинезоном цвета хаки. Два месяца таких работ должны были отучить Фокса бить девушек. Или, по крайней мере, научить больше не попадаться.

– Шевелись, Фокс, – сказал водитель грузовика, когда они остановились на обочине возле одного из коричневых объектов. Фокс, привыкший гонять на Bugatti Veyron, с облегчением выпрыгнул из затхлого грузовика. Двое мужчин наблюдали за ним, вгрызаясь в остывшие «МакМаффины» с яйцом. Автомобиль с девчонками припарковался позади грузовика. Девчонки следовали за ними повсюду. Одна из них прижала к стеклу листочек с отчетливой надписью: «Ты можешь избить меня, Джейсон!»

– Не похоже чет это на животное, – прогудел один из работников, наблюдая, как Джейсон с лопатой на плече приближается к темному объекту.

– Не-а, – согласился другой.

Джейсон Фокс понял, что это мешок, а не сбитое животное, еще раньше – он в замешательстве оглянулся в сторону грузовика. Один из работников, все еще сжимая в руке недоеденный «МакМаффин», жестом указал Фоксу открыть мешок, насквозь пропитанный чем-то подозрительно похожим на кровь. Жуя бургеры, мужчины с интересом наблюдали, как Джейсон, задержав дыхание, осторожно откинул мешковину. В ту же секунду на лице парня застыла гримаса ужаса, он ринулся к краю дороги и согнулся пополам. Девушки из машины не поленились снять, как знаменитого рэпера рвет на обочине. Не прошло и часа, как эти ролики появились в интернете.

Второй мешок обнаружили позже; его оттащило машинами на целых семь миль. Межштатная магистраль была перекрыта в обоих направлениях, что вызвало огромную пробку.

Доктор Осмонд Браун смотрел новости дома в западном Техасе и спрашивал себя: скоро ли полицейские постучат в его двери? Он словно на подсознательном уровне чувствовал, кто был в этих мешках. И если интуиция его не подводила, то он был косвенно ответственен за их смерть. Линчевание. Казнь. Это ведь он с женой разместил фотографии Симмонса и Грина на веб-сайте после того, как полиция и армия отказались принимать меры. А теперь кто-то убил их. Доктор Браун вспомнил о дочери. Он думал о ней, пока не разрыдался.

Смерть дочери доктора Брауна, рядовой сухопутных войск США Шонды Браун, официально была признана самоубийством. Шонда была «первой афроамериканкой из Техаса, погибшей в Иракской войне», как писали в прессе; ее родители предпочли бы обменять это «звание» на живую дочь. В ее свидетельстве о смерти, в графе «причина», было указано: «пулевое ранение, умышленно нанесенное самой себе». Три года прошло со дня ее смерти, а в свидетельство так и не внесли поправки.

Шонда служила в лагере «Мохаве» в Ираке. В письмах домой и редких звонках она казалась спокойной и невозмутимой, будто ее ничего не мучило, но армейские следователи сказали, что она выстрелила себе в голову из винтовки M16, не оставив предсмертной записки. После того, как ее тело переправили в Техас и доставили в местный морг, доктор Браун, преодолевая боль, тщательно осмотрел его. Она была в полном военном обмундировании. Белые перчатки были приклеены к коже; это сразу насторожило доктора Брауна. Что-то было явно не так. Лицо было покрыто синяками, зубы сломаны. Выходное отверстие

на затылке было маленьким, но не от M16, понял доктор Браун, а от револьвера.

Он попросил служащих похоронного бюро снять форму с тела дочери и срезать перчатки с ее рук. Кожа под перчатками была в шрамах и ожогах. Руки и ноги тоже были в синяках. Когда доктор Браун получил отчет о вскрытии, там черным по белому было написано: «гениталии сожжены отбеливающим раствором». Отец Шонды и так знал, что дочь не совершала самоубийства. Но он не мог понять, почему следователи пришли к такому выводу.

В течение трех лет через представителя в Конгрессе, в соответствии с законом о свободе информации, родители Шонды собирали доказательства изнасилования и убийства дочери. В ходе своего собственного расследования доктор Браун узнал о других американских женщинах-военнослужащих, которые «покончили жизнь самоубийством», казалось бы, невозможными, чудовищно жестокими способами, такими как «множественные смертельные пулевые ранения» или «прыжки под колеса грузовиков». Беседы с семьями этих женщин помогали ему чувствовать себя полезным, будто он мог еще хоть что-то сделать, несмотря на то, что в случае Шонды он был бессилен.

На третью годовщину смерти Шонды в ее деле наметился неожиданный прорыв. Отстраненный от службы сержант Ланс Педерсон покончил с собой в гараже брата. Задушил себя. Перед смертью он написал Браунам письмо, в котором сообщил, что их дочь была изнасилована двумя солдатами из лагеря «Мохаве» – Майклом Симмонсом и Дэвисом Грином. Он не знал, причастны ли они к ее убийству. Но изнасиловали Шонду они. Все это знали.

Родители Шонды передали письмо армейским следователям. Симмонса и Грина, к тому времени уже частных граждан Лос-Анджелеса, допросили, но никаких доказательств и улик, свидетельствующих о том, что Шонда вообще была изнасилована, тем более изнасилована этими гражданами, обнаружено не было. Даже генетическая экспертиза для сравнения материалов с анализами, взятыми у подозреваемых, не была проведена. Официально: «пулевое ранение, умышленно нанесенное самой себе».

В отчаянии родители Шонды разместили имена и фотографии Симмонса и Грина на веб-сайте «Памяти Шонды». «Что, если они изнасилуют кого-то еще? – сокрушалась мать Шонды. – Что, если совершат еще одно убийство?» Симмонс и Грин угрожали подать в суд и даже наняли адвоката. Но процессу не суждено было состояться.

Доктор Браун сидел в гостиной и молча смотрел новости: кадры воздушной съемки с транспортной развязки, фотографии окровавленных мешков, видео из интернета с блюющим Фоксом. Доктор Браун знал, кто был в этих мешках. Он просто знал. Ведь накануне вечером он получил электронное письмо с прикрепленным видеофайлом. Видеопризнанием. Симмонс и Грин рассказывали о том, что они сделали с Шондой, в мельчайших подробностях. Не оставалось никаких сомнений, что они были виновны. Видео напомнило доктору Брауну о кадрах, что делают террористы-смертники. За мужчинами висел американский флаг, они смотрели прямо в камеру округлившимися от ужаса глазами и говорили. Они знали, что счет их жизни идет на минуты.

* * *

Уже больше недели прошло с моей встречи с Джулией в «Уголке красоты». Она хотела, чтобы я прислала ей электронные адреса каждой девочки, что когда-либо писала Китти. Точнее, те адреса, к которым мне открылся доступ с тех пор, как я начала работать на Китти. А их было не менее пятидесяти тысяч. Когда я спросила Джулию, зачем они ей, она сказала, у нее есть на то свои причины. «Это для хорошего и благородного дела, – сказала она. – Но лучше, если ты не будешь знать подробностей. Тогда тебе не придется лгать».

Я знала, что у меня могут быть большие проблемы, если я передам ей адреса. А проблемы мне были не нужны. Я могла потерять работу и медицинскую страховку, что конкретно сорвало бы мне операцию мечты. Я всеми силами пыталась забыть о просьбе Джулии. Прислать ей адреса было для меня делом пяти минут, но я не могла поступить так безрассудно. И все же я не могла выкинуть из головы нашу встречу. Джулия, Лита и книга Верены Баптист лопнули пузырь моей повседневной жизни.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я разогрела порцию лазаньи из индейки (230 ккал) и включила телевизор, поставив тарелку на журнальный столик перед собой. По телевизору шел новостной блок Шэрил Крейн-Мерфи. Она обсуждала убийство Симмонса и Грина; каждый канал считал своим долгом осветить подробности этого дела. Вид транспортной развязки и окровавленных мешков уже начал мне надоедать.

– Заслужили ли они такую ужасную смерть? – спрашивала с экрана Шэрил Крейн-Мерфи. Когда она говорила, то смотрела прямо в камеру, будто в дверной глазок, открывающий ей с ее столика в Нью-Йорке обзор на всю Америку. «Я вижу тебя, зритель. Я одна из вас». – Что ж, как глубоко верующий человек, я считаю, что любое убийство – это страшный грех. И все же мне не жаль этих негодяев. Можете осуждать меня.

Шэрил Крейн-Мерфи напоминала пожилого политика, такого дедулю в костюме и с зачесом, прикрывающим лысину; вот только она была женщиной, а зачес был скорее... метафорический. Волосы у нее были короткие и русые, зачесанные и наложенные так, что прическа походила на безе – жесткие снаружи, полые внутри. В разговоре она имитировала просторечную манеру.

Я уныло пролистывала каналы в надежде найти что-нибудь, не связанное со смертью двух насильников, и попала на один из каналов «Остен Медиа» – Китти давала интервью. От Китти невозможно было скрыться.

– Я уже показывала вам, как позировать на фотографиях, чтобы бедра казались стройнее, – щебетала она. – А теперь поговорим, как удачно скрыть...

Я вновь переключила на Крейн-Мерфи:

– Должен быть принят закон о том, чтобы любого военнослужащего, уличенного в изнасиловании, кастрировали – без анестезии! Seriously, мне стоит баллотироваться в Конгресс.

Я поела лапшу, наблюдая, как Шэрил Крейн-Мерфи вращает безумными глазами и стучит кулаком по столу. Внизу экрана ярко-желтой лентой проплывала надпись «Срочное сообщение». Шэрил поправила свой наушник и объявила, что стали известны предварительные результаты вскрытия Симмонса и Грина: у обоих мужчин в глотке обнаружили одинаковые, туго свернутые в трубочку крошечные клочки бумаги. «Дженнифер». Вот и все, что там было написано.

– Что еще за Дженнифер? – спросила Шэрил Крейн-Мерфи.

От одной только мысли о бумажных посланиях в глотках мертвецов меня затошнило; я отодвинула тарелку. Я выключила телевизор и потянулась к

телефону, чтобы позвонить маме. Мы разговаривали раз в пару дней. Если я не звонила, она начинала волноваться.

– Что за Дженнифер? – раздалось в трубке вместо приветствия. Мама никогда не пропускала новостной блок Шэрил Крейн-Мерфи. – Я тебе не рассказывала, что твой отец хотел назвать тебя Дженнифер? Тогда каждую третью девочку звали Дженнифер.

Она продолжала обсуждать преступление, рассказала мне, как несколько часов стояла в ужаснейшей пробке в тот день, когда нашли тела. Я лишь что-то согласно мычала в ответ. С тех пор как Делия переехала в дом для престарелых, мама жила одна в доме на Харпер-лейн. Я понимала, что ей там очень одиноко. Я всячески призывала маму и Делию продать дом и избавить нашу семью от этого каменного мешка с тусующимися вокруг него гляделами. Несмотря на мои бесконечные «Подумайте, как выгодно можно продать бывший дом Мирны Джейд. Особенно сейчас!», убедить мне их не удалось. Они были очень привязаны к этому месту. Для них это был дом родной. Читая книгу Верены, я столько раз в своих мыслях переносилась на Харпер-лейн, что мне начало казаться, будто я только-только уехала оттуда, хотя я не переступала порог дома Мирны Джейд уже четыре года.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Watchers, «наблюдатели за весом») – основанной в 1963 году американской компанией, предлагающей потребителям различные продукты, услуги и инновационные разработки, помогающие в потере веса и его сохранении. – Прим. переводчика.

2

Театр Vineyard (рус. «Виноградник») – некоммерческий внебродвейский театр, располагающийся на 15-й улице в районе Манхэттена в Нью-Йорке неподалеку от Юнион-сквер.

3

Игра слов. Plum – «слива» по-английски.

4

«В течение года мама снова набрала весь вес, который потеряла. Так как она вложила почти все деньги семьи в «Программу баптистов», папа предвидел катастрофу и согласился, что маме необходима гастропликация. Это был единственный выход. После операции у мамы развилось жуткое недержание кала, ей пришлось до конца своих дней носить подгузники». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 1. Рождение Верены, становление империи. Стр. 27.)

5

«Баптисты» первыми начали использовать технику «разрывания фото» в своих рекламных роликах. См.: Дж. Лукас, «Разорвать в клочья: эволюция промороликов в сфере программ по снижению веса», Adweek, 9 июня, 1986. См. также: Уилан Х., Бернс М. «Программа баптистов»: фотографии «до» и «после» // «Женская психология» № 2 (1993), 42–65». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 1. Рождение Верены, становление империи. Стр. 54.)

6

Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (24 октября, 1982): «Люди, которые только думают, что они толстые, для нас – огромный рынок. Толстый, худой... Все это ничего не значащие отличия, за исключением некоторых крайностей. Кого считать худым? Кого толстым? Какая, в сущности, разница?». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 329.)

7

«Некоторые «баптистки» утверждали, что в результате диеты у них развилось заболевание почек, но в суде это так и не было доказано. Мама угрожала обвинителям подать ответный иск за клевету, но так этого и не сделала. Под присягой она не смогла бы отрицать, что из-за некоторых баптистских «продуктов» у соблюдающих диету появлялся постоянный неприятный запах изо рта и выпадали волосы». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 2. «Программа баптистов»: обратить в веру удастся не всех. Стр. 138.)

8

«Личная помощница мамы, [имя зачищено], шантажировала ее летом 1990 года. Она записала телефонный разговор между ней и мамой, где мама призналась,

что «баптистская» еда «на вкус как помои» и что «она ни за какие деньги не согласилась бы есть эту гадость». (Баптист, Верена. «Приключения в Диетлэнде». Глава 2. «Программа баптистов»: обратить в веру удастся не всех. Стр. 141.)

9

«Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (1 августа, 1980): «Диета, рассчитанная на медленное и стабильное снижение веса, не привлечет новых клиентов, Юлайла! Сколько раз я должна это повторять? Люди хотят незамедлительных результатов, и режим в 850 калорий в день даст им именно это. Баптистки потеряют значительное количество веса в первые несколько недель (sic!) и станут зависимы от этого количества, привыкнут к нему. Когда количество сброшенных килограммов будет уменьшаться, они будут винить в этом только себя. Поверь мне. Это безотказная стратегия. Я ведь работала на [имя зачищено] пять лет, помнишь? Поэтому ты и наняла меня!». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 332.)

10

«Докладная записка: [Имя зачищено] от старшего вице-президента [имя зачищено], копия Юлайле Баптист (3 февраля, 1982): «Имей в виду, [имя зачищено], засудить нас не могут! (Несмотря на ту даму из Тусона и ее заявления.) 850 калорий в день достаточно для поддержания организма. Плевать на статистику Всемирной организации здравоохранения. Есть большая разница между голодающим африканцем и толстым американцем. Кроме того, наша литература говорит, что это 1200 калорий в день, что совершенно безопасно». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 333.)

11

«Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (12 ноября, 1985): «Невозможно переоценить важность использования понятий нравственности и морали, когда мы говорим о нашей диете с клиентами или представителями средств массовой информации. Само только название «баптистов» должно внушать доверие и покорность. Когда «баптистка» теряет вес, она «хорошая баптистка», когда отклоняется от программы – «плохая». «Ну, Розмари, как ты вела себя на этой неделе – хорошо или плохо?» Такой язык должен быть реализован во всех клиниках незамедлительно». («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 337. N.B. См. также: Монтроуз Д. «Американская культура диеты и ее корни в христианском повествовании» // «Вопросы диетологии» № 1 (1999): 124-146.)

12

«Докладная записка: Юлайле Баптист от старшего вице-президента [имя зачищено] (14 февраля, 1998): «Согласно нашим последним данным, те толстые мичиганские феминистки все еще ошиваются возле нашей клиники в Анн-Арборе и пропагандируют свое: «Люби свое тело!» Нужно остановить этих овец! Мы противопоставим нашу «Азбуку здоровья» (ты уже одобрила новые брошюры?) их «Будь собой!» – ереси. Они не смогут опровергнуть «нашу» статистику смертности своим дерьмом. Мы можем нанять за деньги пару кандидатов медицинских наук, которые бы обеспечили программе положительные отзывы в прессе и профессиональных изданиях. Мне кажется, тот кардиохирург из Майами подойдет идеально. Можешь, пожалуйста, дать разрешение на производство платежей?» («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 351. N.B. См. также: Адамсон А., Хойт Г. и Роджерс О. «Я не хочу быть худой – я просто выбираю здоровье!» Брошюры «Программы снижения веса баптистов» и рождение эпидемии ожирения. Пустозвонство во время чумы» // «Изучение пищевых расстройств» № 7 (2004) 97-119.)

13

«Докладная записка: [Имя зачищено] от старшего вице-президента [имя зачищено], копия Юлайле Баптист (1 марта, 1990): «Получила записку от адвоката? Она сказала, дисклеймер «Результат не гарантирован» на плакатах Юлайлы нужно писать более крупным шрифтом. Боже, неужели нам никак не получится обойти это?! Нельзя, чтобы потенциальные клиентки заметили надпись!» («Приключения в Диетлэнде». Приложение 1. Внутренняя переписка сотрудников «Империи «Баптист». Стр. 357.)

14

Десятичная классификация Дьюи (англ. Dewey Decimal System) – библиотечная система классификации книг, при которой все области знания делятся на десять классов, а внутри каждого класса выделяются десятичные подклассы, разделы и подразделы. Изобретена в 1876 году американским библиотекарем Мелвиллом Дьюи. На этой системе основана система Библиотеки Конгресса, а также большинство библиотечных классификаций, применяемых в мире.

Купить: https://telnovel.com/ru/uoker_sarey/dietlend

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)